

Сергей Щепетов

На краю империи: Камчатский излом

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874705

На краю империи. Камчатский излом: ИК «Крылов»; СПб.; 2011

ISBN 978-5-4226-0167-7

Аннотация

Начало 18 века. Митрий Малахов был обычным казаком. Сын русского и ительменки, он нес государеву службу на Камчатке. Собственная жадность и беспечность однажды поставили его на край гибели. В предсмертном бреду сознание служилого сомкнулось с сознанием его «двойника» из 21-го века. Контакт был недолгим, но казак стал иначе смотреть на окружающий мир, вспомнил о своём родстве с ительменами. Среди прочего Митька узнал, что родная Камчатка будет разграблена, а древний народ ительменов исчезнет с лица земли. Сможет ли он изменить историческую судьбу своей малой родины? Это почти безнадежно, но Митька Малахов будет пытаться – воевать без пощады к себе и другим, действовать хитростью и отвагой.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Щепетов

На краю империи. Камчатский излом

За помощь в работе автор выражает глубокую признательность В. Ю. Нешатаевой, Л. Б. Головневой, А. М. Буровскому, А. А. Оскольскому.

Пролог

Сквозь шум воды на перекате пробился ноющий звук. Люди подняли лица к небу и стали выискивать глазами темную черточку. Сначала они подумали, что это «четверка» и идет она мимо. Однако звук нарастал, приближался. Скоро всем стало ясно, что это Ми-8, который идет сюда. Люди оставили свою работу и ждали.

Над лагерем вертолет заложил круг, начал быстро снижаться. Больше на него никто не смотрел – все было ясно. Мужики, обтерев руки, закуривали и брели с берега к бугровской палатке. Вертолет пошел на второй круг – пилоты высматривали место для посадки. Теперь им с воздуха, наверное, был хорошо виден «запор» на реке: ряды кольев, вбитых в дно наискосок по течению. Между кольями укреплены обрывки старых сетей, проволока, прутья, а в одном месте даже несколько метров сетки-рабицы, украденной когда-то со стройки в райцентре. С правого берега изгородь и с левого изгородь... А между ними – на самой струе – просвет. Только там рыба и может пройти.

Сама рыба людям была не нужна – ее почти белое обезжиренное мясо ценности не представляло. Людям нужна была только икра. Самцов и поротых самок сбрасывали в ямы, вырытые в прибрежной гальке. Ямы получались мелкие, все время приходилось копать новые. Они, наверное, тоже хорошо были видны с воздуха.

Откинув выцветший брезент входа, бугор выбрался из палатки. Был он жилистым, ширококостным и, наверное, высоким, если б не сутулился до горбатости. Всклопоченные грязные волосы, залысины, щетина, почти уже превратившаяся в бороду, изжеванная папироса в зубах... Был он бос, в грязных штанах и телогрейке на голое тело. В левой руке держал двустволку, а в правой – початую на треть бутылку водки.

Бугор некоторое время смотрел, как винтокрылая машина пристраивается сесть на галечной косе, потом выплюнул папиросу и улыбнулся людям:

– Вот и все, ребятки. Третий срок не возьму.

Димка с пронзительной ясностью понял, что сейчас – вот прямо сейчас! – произойдет что-то страшное, что-то непоправимое... Он понял это и кинулся к отцу:

– Па, вдарь ему по маخالкам! Жаканом вдарь!

– Тогда всем хана, – ответил бугор и, сделав пару шагов, уселся на бревно лицом к реке. – Значит, так, господа рабочие частного предприятия «Жигановск-рыба»... В общем, валите все на меня. Я вам лицензию показывал, на работу нанимал, я вам авансы платил, ясно? А вы – ни сном ни духом. Ясно?

– Куда уж яснее... – вздохнул один из «рабочих». – Печати-то сам рисовал?

– Угу, – кивнул бугор. – И подписи лично подделал.

– Иван, – подал голос другой работяга, – ты чо, Иван?! Ты ж в любую задницу без мыла пролезешь! Мало на лапу дал что ли?

– Много дал, – заверил «предприниматель». – Просто с чертом договариваться нельзя – обманет по-любому.

Вертолет сел и выключил двигатель. Вылезать приезжие не торопились – ждали, когда остановится винт.

– Думаешь, сам Сосюков пожаловал?

– А ты вертушку не узнаешь? – усмехнулся бугор. – Ладно, меня слушайте! Серега, Петро, Саня – за вами должок.

– Помним...

– Когда Димка мой школу закончит, пристройте его в город. Чтоб здесь его не было, ясно? Куда хотите отправьте! Иначе я вам, бля, по ночам являться буду, я вас с того света достану!

– Сделаем, Иван, не ссы!

– Леха, чего после ментов останется, на всех поделишь. И чтоб Димка мой в городе сытым был! До двадцати годов! Усек?

– Ну.

– Баранки гну! А теперь отвалите все! Дайте выпить спокойно... Ну!! – Иван встал, поднял ружье и навел стволы на редкую толпу. – Вали отсюда!!

Народ подался в разные стороны. Иван опять уселся на бревно, крупно глотнул водки, закурил папиросу и, щурясь от дыма, стал смотреть, как из бортовой двери вертолета один за другим вылезают люди – в форме и в штатском.

Димка никуда не побежал – остался стоять там, где был. Мальчишка понял, что отца сейчас не станет – навсегда. Ему было ужасно горько и обидно, ему до слез хотелось, чтобы отец что-нибудь ему сказал, ну хоть что-нибудь!

– Па, а черта же не бывает...

Иван перевел взгляд на сына, как-то скупно, болезненно улыбнулся:

– Еще как бывает...

– Малахов! – крикнул пузатый милиционер и взмахнул пистолетом. – Брось ружье!! Руки подними!!

Иван залпом допил водку, отбросил бутылку и сказал сыну:

– Принеси-ка мне вторую по-быстрому. В палатке она, справа.

Димка кинулся выполнять поручение. А Иван смачно плюнул в сторону гостей, упер приклад ружья в землю, засунул стволы в рот и большим пальцем ноги нажал крючок.

Димка никогда не был особенно близок с отцом. Однако с ним был связан самый счастливый и светлый эпизод в его жизни. Это было после первого класса. Они целое лето прожили вдвоем в настоящем лесу! Они плыли туда два дня на лодке, подняв мотор, перетаскивали ее через перекаты. Огромные деревья, поляны, шалаш из веток, костер, на котором закипает котелок... Они ловили удочкой рыбу в озерах, собирали ягоды и грибы, стреляли зайцев и птиц – не про запас, не на продажу, а чтобы есть – было так вкусно! Позже Димка узнал, что весной в поселке случилась массовая драка с приезжими и отец, как зачинщик, решил отсидеться вдали. Мальчишка наслаждался жизнью, а Иван Малахов, наверное, прощался со свободой. Однако в тот раз обошлось...

Там, в лесу, Димке не было скучно с вечно молчащим отцом. У него завелся закадычный друг-приятель, который был всегда рядом. Собственно говоря, Димка придумал его раньше, но в то лето Митька как бы обрел плоть и кровь, начал жить собственной жизнью. Он был совсем диким и неграмотным парнем – из тех, кто жил здесь, когда на Камчатке только-только появились русские...

Потом всю осень и всю зиму Димка готовился снова ехать с отцом в лес: точил крючки, выстругивал поплавки из пробок, делал сушилку для грибов, даже пытался смастерить соковыжималку для красной смородины. Ему и в голову не приходило, что продолжения может не быть. Однако весной в поселке все чаще стали звучать слова «работа» или «будет работа». Мужики собирались кучками и что-то перетирали между собой. Когда неопределенность стала невыносимой, Димка набрался-таки смелости и прямо спросил отца:

– Так мы что... не поедem?

– Нет! – отрезал Иван.

Почему-то этот невинный, казалось бы, вопрос ребенка просто взбесил отца. Он выскочил из дома, хлопнув дверью и сбив по дороге ведро в сених. Вечером дружки принесли его домой пьяным до невменяемости.

Когда дорога чуть просохла, в поселок приехала машина-вахтовка. Мужики с мешками и сумками залезли в кунг и уехали – до поздней осени. Осенью отец привез много вкусной

городской еды, красивую шубу для мамы, а Димке подарил настоящий компьютер. Правда, он быстро сломался, потому что электричество в поселке часто «моргалло».

И вот теперь Иван Малахов лежал, завернутый в брезент, в задней части салона вертолета, а Димка плющил нос о стекло иллюминатора. Сначала у него, конечно, возникло желание поплакать, но его вытеснило осознание того, что отец совершил какой-то правильный, геройский поступок. Кажется, это признали даже его враги – менты и главный рыбак Сосюков! А еще где-то в глубине Димкиной души шевелилось предчувствие чего-то хорошего, чего-то безмятежно-радостного, какой-то сказочно-прекрасной жизни, которая ждет его впереди, – надо только восьмой класс окончить!

А земля сверху оказалась совсем и не красивой. Вдали были горы, а вдоль реки и на склонах сплошные кривоватые блеклые прямоугольники и квадраты, по которым в разных направлениях проходили черные или грязно-желтые полосы.

– Нравится? – спросил сидевший рядом Сосюков.

Димка не хотел с ним разговаривать, но не мог удержаться от вопроса:

– А почему квадраты?

– Где?

– Да вон – внизу.

– А, это... Вырубки.

– Везде что ли?! – изумился Димка. – Но там же лес!

– Да разве это лес? – мрачно усмехнулся рыбак. – Дрянь всякая, как у вас возле поселка. Ты настоящего леса уже не застал, парень. Настоящий-то лес весь свели – от моря до моря. Где двадцать лет назад рубили, где десять, где пять... На старых вырубках уж по новойросло – кусты да болота. Вот это лесом ты и называешь.

– Неправда! Мы с отцом ездили – я в первом классе учился!..

– В Черную падь что ли? – усмехнулся инспектор. – Так и ее вырубили. Нашелся один удалец: договор заключил, технику подогнал, бригаду ваших жигановских лесорубов нанял. Пока мы с Москвой переписывались, они весь заказник снесли – до последнего дерева. И в Китай продали.

– А... – Димка повернулся и уставился на брезентовый сверток.

Сосюков понял его движение по-своему:

– Ну да, твой отец тогда бригадиром у лесорубов был.

– Врешь! Ты все врешь, гад!!!

– Нет, – качнул головой инспектор, – не вру. Ты мне еще кровную месть объяви за отца.

– Вырасту и убью тебя! – страстно пообещал Димка.

– Я и так долго не проживу, – усмехнулся Сосюков. – У меня знаешь сколько кровников?

– Так и надо тебе! Так и надо! Ты людям жить не даешь!

– Угу, я первый враг всем, и нет мне пощады, – как-то очень мрачно согласился инспектор. – За каким чертом Иван тебя на Гачу взял?!

– Я сам напросился! А ты... Ненавижу! Я обязательно тебя убью!

– Ну-ну... – вздохнул Сосюков. – Ученые сказали, что в этом году последний подвал на Гаче. Если нерка опять не пройдет на нерест, ее больше в реке не будет – конец популяции. Мы с огромным трудом добились запрета ловли на устье – у рыбаков было все проплачено! Так Нелюгин за нашей спиной дал добро Шинагину на отлов в верховьях реки. А ваши и рады стараться...

– У наших работы нет!

– А!.. – устало махнул рукой инспектор. – Одним суп жидок, другим жемчуг мелок. Всем деньги нужны – и прямо сейчас. А что детям вашим достанется, никого не колышет. Зверя истребили, лес вырубили, теперь последнюю рыбу долавливают. И что? Кому-то жить

от этого лучше стало? Может, кому и стало, но не вам и не здесь. Те, кто в перестройку тут безобразил, давно на Кипре и в Англии проживают. Давай замочи Сосюкова, чтоб областным воеводам жить было спокойнее!

– Ты герой, да? А мы все плохие, да?!

– Нет, я просто смертник, – без улыбки сказал инспектор, – камикадзе, если хочешь. Слышал про таких?

– Читал...

– Наверное, изменить уже ничего нельзя, но я отдам жизнь за эту землю. Она – моя, я люблю ее.

Часть первая ПРЕЖНИЙ ЛАД

Примечание автора

Отец и сын Малаховы, Андрей Шубин, Михайло Смирный в исторических документах не упоминаются. Некоторые персонажи существовали в реальности, но настоящие имена их неизвестны. Цитаты из документов (выделены курсивом) приводятся по работам Е. Г. Кушнарева, А. С. Зуева, Г. А. Леонтьевой

В XVIII веке камчадалами русские называли ительменов, в настоящее время термин используется для обозначения группы населения, происходящей от смешанных браков.

Глава 1

ГОДЫ 1726–1727, ЗИМА, ВЕСНА И ЛЕТО

Ранней весной 1699 года Владимир Атласов покинул камчатскую землю. Он собирался вскоре вернуться – уже полновластным хозяином открытого им пушного Эльдорадо. На Камчатке тогда совсем не водились белки, зато на соболей и роскошных лис не надо было даже охотиться. Их можно было просто бить возле жилья в любом количестве. Впрочем, и этим утруждаться необязательно, поскольку на полуострове хватало местного населения. Камчадалы были наивно-доверчивы и неорганизованны, их детская воинственность не шла ни в какое сравнение с агрессивностью якутов, чукчей и даже коряков. Соболя и лисы раньше им только мешали – портили съестные припасы. Заставить аборигенов добывать пушнину для русских оказалось совсем не трудно. Кроме того, на Камчатке в изобилии имелась прекрасная еда – нерестовая рыба. Ее легко ловить, а еще проще отбирать у тех же ительменов. В общем, для служилого – «приискателя новых земель» – Камчатка просто рай земной.

Владимир Атласов оставил в зимовьях на полуострове лишь тех, кому мог доверять. В число таковых казак Иван Малахов не входил, а потому отправился вместе с предводителем обратно в Анадырский острог. О своих невенчанных камчадалских женах с детьми Иван не беспокоился – у них тут полно родни, они не пропадут.

Скорого возвращения не получилось – Владимир Атласов вернулся на «свою» землю только через восемь лет. За это время он успел «вознестись до небес», пасть и вознестись снова. Пребывание под следствием с применением дыбы не улучшило характера великого землепроходца. Тем не менее Иван Малахов опять оказался в его команде. Правда, Атласов при первой же возможности постарался от него отделаться – отправил с малым отрядом на север полуострова собирать ясак и добывать оленей у коряков. Вот там и произошла эта встреча...

* * *

Две олени упряжки, в каждой по одному оленю, остановились возле избы. Дверь из грубо отесанных плах пару раз дернулась и приоткрылась. Высунулась голова, на которой внятно различались только глаза и нос. Все остальное скрывали всклокоченные серые волосы – то ли седые, то ли просто светлые и давно не мытые.

– Во, бля, принесла ж нелегкая, – сказала голова и скрылась.

Некоторое время спустя она показалась снова – уже вместе со своим хозяином, одетым в парку, меховые штаны и торбаза. Человек был довольно высок ростом, но сильно сутулился. Груза на нартах почти не было, на первой приехал только каюр, а на второй – каюр и пассажир, вероятно ребенок. Такой расклад человеку совсем не понравился. Он нахмурился, подошел к первому погонщику, топтавшемуся на снегу, и стал вглядываться в его лицо сверху вниз:

– Чипатка что ль?

– Сы-ды-раствуй, Ыван, – сказал гость и поклонился, прижав к груди руки. – Сы-ды-раствуй!

– Ну, здравствую, – буркнул Иван. – Чего пустой приперся? Где ясак, где олени? Все сроки прошли!

– Ыван, быда большой! Совсем быда!

– Пошел на хрен! Почему оленей не пригнал? Жрать уж нечего, вон, зубы шатаются, а он «быда» да «быда»! – Иван показал здоровенный костистый кулак. – Ща я те устрою быду!

– Бей не надо! Бей не надо! – засуетился гость. – Чипат ничего нет! Совсем нет! Чукчи приходи. Много чукчи приходи! Всех олень брать! Олень брать, баба брать, дети брать. Чипат ничего нет! Олень запрягать, быстро бежать. Живой быть. Другой люди все чукча бить мертвый!

– Чо там, Иван? – Из избы выбрался коренастый, широкий мужик. Он пытался изнутри попасть руками в рукава парки. – Чо бормочет-то?

– Чукчи, говорит, на их улус набежали. Оленей всех отогнали, а людишек побили.

– Опять?! С-суки...

– Ыван, Ыван, у русский царь сильный люди! – взмолился гость. – Русский коряка помогать, от чукча охранять надо!

– Чего-о?!

– Ты говорить так! Твой начальник говорить так! Коряка русский царь ясак давать, русский царь коряка от чукча спасать!

– Ну, и где твой ясак? – усмехнулся Иван. – Подарки где?

– Щас нет, тот зима давать, еще зима давать – всегда давать! – убежденно заявил туземец. – Этот зима чукчи ходи, коряка бей. Русский бежать за чукча быстро надо, наш олень назад брать!

– Слышь, Савелий, – обернулся Иван к десятнику, – желает, чтобы мы тех чукчей догнали и оленей ихних отбили. В морду дать?

– Погодь, он в своем праве, – недовольно буркнул десятник. – Уговор такой, кажись, был. Ты ему по морде, а он к приказчику жалиться побежит – бешеной собаке двести верст не крюк, сам знаешь.

– Слышь ты, коряка, – обратился казак к гостю. – Давно ль те чукчи до вас были? Много их?

– Два рука день! Два рука день! Сильно много!

– И-и, мила-ай! – с явным облегчением протянул десятник. – Где ж теперь те чукчи?! Что-то долго ты к нам ехал! Чо раные-то думал?

– Один рука день свой олень тундра искал. Находить нет – всех чукча гнать. Только мертвый находить. Потом рука день сюда ехать...

– Вот! – поучительным тоном заявил десятник. – Сам виноват! Надо было сразу к нам ехать. Как мы теперь их догоним?! Пока до улуса твоего доберемся, они уж, считай, две седмицы в пути будут. Уже до Чукотского носу дойдут!

– Олень стадо большой, – пролепетал гость, – ходи тихо совсем...

– Сказано тебе, сам виноват!! – рявкнул Иван. – Проваливай отсюда! След год мехов вдвойне привезешь, сука!

– Пойду в избу, пожалуй, – поежился десятник, – чтой-то мне знобко. Гони их на хрен, Иван.

– Ыван, Ыван, – совсем скукожился пострадавший, – гони надо нет...

– Ну, что еще?!

– Ыван, Чипат еда совсем нет. Чипат люди совсем голодный сидеть.

– Ага, не всю родню, значит, чукчи побили! – оскалил желтые зубы казак.

– Люди мало-мало есть, еда совсем нет. Скоро старый ремень варить, сухой кости камень бить. Помирать совсем люди.

– И чо?

– Дай еда, Ыван... Мало-мало дай! Лед река ломать рыба ловить скоро нет. Дай еда, Ыван, помирать люди!

– Бля, да где ж я те возьму?! – всерьез начал злиться служилый. – Самим бы до рыбы дожить! У тебя два оленя осталось – вот и жри их!

– Чипат ничего нет совсем, – не отставал туземец. – Долг дай!

– Какой на хрен долг?! Ты ж сто лет теперь не отдашь! Уйди с глаз долой – не зли меня!

– Злить русский нет... Совсем нет... – Казалось, пожилой коряк сейчас расплатится как ребенок. – Ыван, возьми мой жена, сын мой возьми, мало-мало еда дай. Молодой жена, красивый жена!

– Жена? – слабо заинтересовался служилый. – Ну, покаж свою жену... Эта что ль? Да она молодой была, когда я сам титьку сосал! Погодь-ка... – Он скинул с головы женщины меховой капюшон. – Марька?!

– Это я, Ванья, – тихо ответила женщина.

– Ни хрена ж себе! Ты с какого перепугу средь коряк оказалась?

– В доме голодно было. Меня в жены отдали... за три оленя.

– Ну-ну... А это – ребяенок твой?

– Твой, Ванья, – с надеждой сказала ительменка. – Митрий зовут – забыл разве?

– Да брось ты! – отмахнулся казак. – Мало ль ты с тех пор нарожала! Хотя, кажись, годами подходит... А ну подь суды, малой!

Мальчишка подошел и встал, затравленно глядя на чужака из-под собачьего меха, которым был оторочен капюшон его парки. Лицо его было в грязных разводах, из носа свисала сопля.

– Здоров, пожалуй, для моего-та, – рассмеялся Иван. – Да и ликом темен – как есть коряка иль камчадал! Ты, баба, сказки-то мне не рассказывай! Ладно уж, дам я вам юколы вязку...

– Ты хорошо смотри, Ванья! – взмолилась женщина и стянула капюшон с головы мальчишки. – Хорошо смотри!

– Ишь ты! – удивился служилый. – Да он у тя, кажись, белобрысый! Эт хто ж тя таким обрюхатил, а?

– Ты...

– Ага! – кивнул служилый. – Окромя меня на Камчатке и русских не имеется, да? Сказал же, дам малость юколы, отстань только!

Иван повернулся, собираясь идти к избе, но задержался, присел на корточки перед мальчишкой:

– У-у ты какой! – И шутливо ткнул его кулаком в живот.

Тот молча согнулся, отступил на шаг, злобно глянул на казака и вдруг... И вдруг с коротким воплем кинулся на обидчика, норовя попасть кулачками по лицу.

Он тут же полетел спиной на снег, а Иван поднялся на ноги и удивленно покачал головой:

– Экий звереныш у тя рас...

Он и договорить не успел, как мальчишка снова был на ногах. И снова кинулся в атаку!

Иван едва успел прикрыть пах от его кулаков, а потом схватил мальчишку за загривок, чуть приподнял, встряхнул и сунул головой в снег рядом с нартой:

– Остынь малость!

Бредя к избе, он покачивал головой и удивленно усмехался: ну и доука! У самой двери Иван почувствовал сзади движение и обернулся: мальчишка мчался к нему, зажав в руке здоровенный нож.

Нападающего служилый встретил, опустившись на одно колено. Левой рукой он отмахнул в сторону ножик, а правой впел в щечину, от которой мальчишка полетел в снег, потеряв оружие. Иван встал, шагнул к поверженному противнику, нагнулся и взял его за парку на груди, собираясь вздернуть на ноги. Однако едва он потянул, как мальчишка извернулся, ухватился за его рукав и впился в кулак зубами.

– Бля-а-а!! – взвыл служилый, не без труда стряхивая с руки злобного туземца. – Паскуда долбаная! Уебок хренов!

Иван пинал его ногами, пока мальчишка не перестал извиваться – похоже, он не смирился, а просто потерял сознание.

Иван посмотрел на укушенную руку, криво ухмыльнулся и сказал:

– Вот теперь верю, что мой! – Отсосал кровь из раны, сплюнул и заорал на женщину: – Чего сидишь, дура?! Скидай с саней свои шмотки! При ём будешь жить, а то ить загрызет, гаденыш!

Чипат – бывший владелец огромного стада, бывший глава многочисленного семейства – уезжал от зимовья один. Оленя второй упряжки он привязал к задку своих санок. Животному легче не стало: вместо двух людей оно везло теперь целый ворох сушеной рыбы. Эту рыбу осенью не успели догрызть черви, потому что наступили холода. Чипат надеялся, что с помощью этого собачьего корма кто-нибудь из его людей сможет дожить до весны. А потом он наймется пастухом к соседу. Если, конечно, и того не разорили проклятые чукчи...

* * *

То зимовье вскоре было заброшено – за дальностью пути и малой выгодой. Иван Малахов вернулся с вновь обретенной семьей в Нижнекамчатский острог. К тому времени доведенные до ручки казаки сместили Владимира Атласова с должности приказчика, посадили его под арест, а имущество конфисковали. Впрочем, в последующие годы Ивану хватило приключений – вместе с Данилой Анциферовым и Иваном Козыревским он участвовал в заговорах, созывал казачьи круги, арестовывал приказчиков, умирал бунты камчадалов и плавал на Курилы. Осенью 1712 года московский дворянин Василий Колесов начал расследование убийства трех приказчиков, случившегося годом раньше. Данила Анциферов к тому времени погиб от рук авачинских ительменов, а Козыревскому и Малахову удалось доказать свою невиновность, скорее всего не бесплатно.

Других сыновей у Ивана Малахова не было, так что со временем он привязался к ительменско-корякскому мальчишке и обвенчался с его матерью. Мотаясь с отцом по Камчатке, Митька успел пожить во всех трех русских острогах – Большерецком, Верхне- и Нижнекамчатском. Детворы в них хватало, и вся она была метисной, поскольку большинство матерей были ительменками, а русские отцы-казаки на самом деле часто оказывались полуякутами. Тем не менее детско-подростковая иерархия была здесь очень жесткой. Верхнее место в ней занимали те, кто мог считать себя «русским». Не последнюю роль в этом самоутверждении играл язык: если пацан хорошо говорил по-русски, значит, отец его признал – не от мамы же он научился! Держались такие ребята особняком и всех остальных презирали. Митьке ужасно хотелось в «русскую» компанию, но языка он почти не знал. К тому же его светлые волосы с возрастом сменились темными – почти как у ительмена или якута.

Для начала он отказался говорить и понимать по-ительменски и по-корякски. В компании сверстников больше отмалчивался и, чуть что, лез в драку, даже если был слабее. Он как губка впитывал русскую речь, подслушивая разговоры отца и других казаков. Потом при любой возможности повторял запомнившиеся слова и фразы. Одному этим заниматься было скучно, и Митька придумал себе собеседника – такого же, как он, пацана, только совершенно русского. Его звали Димка. Они привыкли друг к другу и как бы росли вместе – Митька и Димка.

Митька привык скрывать свое знание двух местных языков и со временем обнаружил, что это очень выгодно: как хорошо, когда понимаешь тех же камчадалов, а они об этом не догадываются! Правда, в росписи казачьей службы есть «хлебная» должность – толмач, но, чтобы занять ее, нужно дать начальнику большую взятку – окуп. При этом казенных переводчиков требуется немного, а желающих хоть отбавляй.

Относительно благополучная жизнь камчатских служилых продолжалась недолго. Летом 1715 года в Нижнекамчатский острог прибыл новый приказчик – пятидесятник Алексей Петриловский. Свою практически ничем и никем не ограниченную власть он решил использовать на всю катушку – батоги, кнут и вымогательство с помощью пыток сделались для казаков обыденными явлениями. А уж что он творил с ительменами, просто не поддавалось описанию. Сместить с должности этого алчного зверя без насилия было нельзя – возле него кормилась команда верных приспешников. Тем не менее после года его правления бунт назрел. Немало, наверное, пролилось бы крови и полетело голов, если бы не Иван Малахов. Он публично высказал приказчику, кто он есть пред людьми и Богом. И, конечно, угодил под батоги...

Когда Иван терял сознание, его обливали водой, и Петриловский требовал публичного раскаянья. Но Иван только ругался. Кончилось дело тем, что доведенный до бешенства приказчик схватил подвернувшиеся под руку вилы и всадил ржавые острия в бок служилому. Иван принял мученическую смерть, а Петриловский в тот же день был арестован – никто не решился встать на сторону убийцы. Он провел в заключении на Камчатке четыре года, а потом был переправлен в Якутск, где над ним состоялся суд...

Как убивали отца, Митька не видел. По требованию Козыревского парня заперли в бане. Когда он, разломав крышу, выбрался на волю и прибежал на площадку перед приказной избой, все было кончено. Он не сразу поверил, что окровавленный кусок мяса на козлах и есть Иван Малахов.

Казачий круг избрал нового приказчика Нижнекамчатска – якутского посадского Козьму Вежливцова. Арестованному Петриловскому обязательно нужно было сохранить жизнь, и новый начальник услал молодого Малахова служить на другой край Камчатки, в Большерецкий острог, – как говорится, от греха подальше. Митьку недавно поверстали в казачью службу, и ослушаться приказа он не имел права. Кроме того, ему нужно было вступить во владение отцовым наследством.

Все поселения на Камчатке – и русские, и туземные – назывались «острогами». Большерецкий острог включал в себя крепость – четырехугольник метров сорок на сорок, обрешетанный бревенчатой тыновой стеной и задними стенами приказной избы, амбаров и амнатской «казенки». В стене были ворота с проезжей башней. Возле крепости располагалось полтора десятка русских дворов, множество балаганов – шалашей-лабазов на высоких сваях – и несколько ительменских земляных юрт.

Избушка Митьке досталась невеликая, но добротная. При ней обитали пять отцовских холопов. Эти камчадалы попали в рабство еще в детстве, теперь они выросли, обзавелись семьями, построили себе «юрты» и балаганы. Помимо обслуживания хозяев они занимались здесь своим обычным делом – заготавливали рыбу, сарану, кипрей, «сладкую траву», крапиву, ягоды, дрова. И отец и сын Малаховы редко бывали дома, так что всем хозяйством руководила Митькина мать – командовать бывшими соплеменниками ей ужасно нравилось. Однако после смерти русского мужа ее интерес к жизни начал быстро угасать. Вскоре она приняла добровольную смерть, хоть и была крещеной, – у ительменов такой поступок считался вполне допустимым. Митька горевал не сильно, поскольку с матерью близок не был.

Оказавшись единственным хозяином имущества, Митька некоторое время присматривался к холопам – разбегутся или нет? Не разбежались, и он решил их сильно не утруждать, а то ведь зарежут как-нибудь ночью – такие случаи бывали. Однако он поставил своим рабам условие: чтоб жратва всегда была в запасе, чтоб в доме прибрано, чтоб летом бат (долбленая камчадалская лодка), а зимой ездовые собаки и нарты всегда были наготове. Ну, и женщины-девушки к услугам – по потребности хозяина. Камчадалы не возражали: такая жизнь – без ясака и податей – была, наверное, для них слаще, чем воля. Митька же оказался избавлен от бытовых хлопот. Его хозяйство было почти натуральным – прибыли не приносило,

но и вложений не требовало. Единственное, без чего нельзя было обойтись, это железные инструменты.

В том злополучном 1716 году на Камчатку впервые прибыло судно с Большой земли. На всем западном побережье самым удобным для его стоянки и разгрузки оказалось устье реки Большой, километрах в тридцати ниже Большерецкого острога. Вскоре морское сообщение с Охотском сделалось почти регулярным и у большерецких служилых появился новый промысел. Когда на устье прибывал корабль, купцов с товаром дальше острога обычно не пускали. А если кто-то из них сильно хотел еще куда-то попасть, местные жители заламывали такие «прогонные», что поездка теряла всякий экономический смысл. Товар распределялся среди служилых и немногих промышленных, сумевших примкнуть к элите. Расплачивались с купцами на месте – шкурками лис, соболей и морских бобров. Потом товар малыми партиями казаки развозили по своим «друзьям» – в острожки знакомых камчадалов. Туземцы настоящих цен, конечно, не знали, о будущем не задумывались и предпочитали покупать заморский товар в долг. Все это открывало русским широкий простор для... гм... коммерческого творчества.

Три малых ительменских острожка на речке Песчаной Митька считал как бы своей вотчиной. Они, конечно, давно были известны властям, но располагались очень неудобно: от Большерецка ехать далеко, от Верхнекамчатска гораздо ближе, но надо преодолеть два перевала. Митька же разведаль более короткую дорогу из Большерецка. Вот этим путем раз в год он и навещал своих «друзей». Лет пять служилый горя не знал, а потом его монополия кончилась – на Песчаную повадился ездить Федька Топорков с Заречной заимки. Скорее всего, он просто однажды проехал по чужому санному следу, пока его не перемело. Когда Митька третий раз подряд вернулся из дальней поездки ни с чем, он решил выяснить отношения со своим конкурентом.

Начал он с самого простого – зашел к Федьке и потребовал прекратить это дело: других камчадалов тебе мало?! Однако конкурент рассмеялся гостю в лицо: а ты меня на Песчаной видел? Ах, тебе камчадалы про меня рассказали? Так они брешут – какая им вера?! Да хоть бы и не брехали – твои, что ль, людишки на этой речке? То-то, государевы они!

Митька ушел тогда как оплеванный, а потом подкараулил Федьку на рыбалке и поговорил с ним по-другому, благо кулаками махать умел и любил с детства. Месил он конкурента до тех пор, пока тот, размазывая кровавые сопли, не поклялся к чужим «друзьям» больше не лезть. Однако Митька недолго радовался победе: и недели не прошло, как на узкой тропе его встретили крепкие ребята – аж четверо.

Ну, и взяли его в работу, а там и Федька подвалил, сволочь паскудная...

Еле дополз до своей избы Митька, три дня пластом лежал и в горшок нужду справлял – до сортира дойти не мог. Потом придумал, что делать дальше, и ему сразу полегчало. Как только малость оклемался, послал одного из холопов к Федьке: хозяин, мол, зовет тебя в кабак – мириться хочет. Федька, конечно, пришел, но привел и свою компанию – человек пять. Митька это предвидел и тоже явился не один. При всем честном народе он заявил, что готов отказаться от тех камчадалских острожков, если Федька заплатит отступное.

– Сколько?

– А вот столько, чтоб нас всех здесь упоить!

Расчет оказался верным – отказ от такой сделки не одобрили бы ни свои, ни чужие, поскольку выпить задарма все любят. Пришлось Федьке согласиться – ударили по рукам, и пошло веселье. Вскоре бывшие враги обнялись по-братски, расцеловались и стали хвастаться, кто из них богаче и удачливее. По ходу дела пьяный Федька подробно рассказал про свою коммерцию на Песчаной – кому он сколько чего продал, кто сколько заплатил и сколько остался должен. Митька же больше притворялся, чем пил, а потому разума не потерял и все запомнил. Он был неграмотным и привык «торговые» дела вершить по памяти.

В разгар зимы Федьку по службе отправили в Нижнекамчатский острог. Путь туда неблизкий, и Митька решил, что его время настало. Он отпросился у десятника, взял с собой полштуки дешевого сукна, три фунта китайского табаку-шару, десяток ножей, пару топоров и мешочек бисеру. Сверх того он прихватил приличную баклажку «вина» – водки, которую на государственной винокурне гнали из стеблей листьев борщевика – «сладкой травы».

До своих «угодий» Митька добрался вполне благополучно. Он даже вина в пути не отведал, так сильно ему хотелось отомстить Федьке. В первом из трех камчадалских поселений Митька поначалу сильно удивил хозяев – ни кричать, ни драться сразу не стал. А в остальном все было как обычно: приказал вволю накормить его собак, приготовить для него самого кипрейного квасу, толкуши из ягод и вареной юколы. Потом заявил, что будет торговать, раздавать подарки и собирать долги от имени Федьки. Что такое покрученник или доверенное лицо, камчадалы понимали плохо, и Митька от имени Федора угостил их водкой. Понимание сразу улучшилось, но все равно пришлось терпеливо разъяснять бестолковым туземцам: в прошлом году ты должен был Федьке четыре соболя, а отдал только два. Раз ты два тогда не отдал, значит, теперь опять должен четыре. Справедливо? Конечно! А тебе Федька в позапрошлом году нож подарил, а ты ему лису обещал. В прошлом году не отдал, значит, теперь надо дать ему две лисы. Нет, нож обратно он не возьмет – обидеть хочешь?! Что, нету лис? Ну, тогда соболя неси... И соболя нет?! Ладно, мы ж друзья, и я тебя прощаю. Совсем прощаю – даже бить не буду, только Федьке не говори! Но в следующий раз отдашь ему двух соболей!

Подпоенные камчадалы рассчитались почти полностью. Правда, они попытались отказать от «подарков», но ничего у них не получилось. Главное, никто из них не вспомнил, что вскоре предстоит платить ясак...

Ободренный таким успехом, Митька двинулся дальше. Второй камчадалский острожек был поменьше – всего две земляных юрты и десяток балаганов. Тут уж служилый церемоний разводить не стал, а сразу начал работать кулаками и палкой. Потом объяснил хозяевам, что сильно на них рассердился за то, что они изменили «дружбе» и стали торговать с Федькой. Робкие оправдания: мы, дескать, не добровольно – Митька слушать не пожелал. А потом, к великой радости хозяев, сменил гнев на милость и сказал, что Федор поручил ему «дружить» вместо себя – от его имени. Он, Митрий, никогда не угощал вином своих «друзей», а вот Федор велел угостить! А еще он велел никого из их острожка в холопы не забирать, если, конечно, хозяева будут вести себя хорошо. Подвыпившие ительмены постарались быть «хорошими» – отдали все, что имели. Пришлось силой навязывать им новые покупки и требовать платы за водку – не оставлять же туземцев без долгов!

Третье поселение было довольно большим – три зимних жилища и множество летних. Митька действовал здесь по прежней схеме – от чужого лица. Правда, водкой он поить хозяев не стал, а просто продемонстрировал им свою добычу – мол, все уже расплатились, одни вы остались. Этот аргумент, подкрепленный побоями, оказался достаточно веским. Митька преисполнился гордости за себя любимого, глядя, как более двух десятков взрослых мужчин бегают и суетятся, стараясь его ублажить. В заключение он сказал, что пославший его Федор будет доволен, если «друзья» поделятся с ним запасами «сладкой травы», сараны и юколы. Только им самим придется отвезти все это в русский острог – пусть готовят на завтра пару упряжек с каюрами, они поедут вместе с ним.

На этом Митька счел свою миссию оконченной, причем удачно оконченной! И решил хорошенько отдохнуть перед дорогой, благо «вина» сэкономил достаточно.

Никто, конечно, не делил с русским гостем вечернюю трапезу – его просто кормили, потчевали. Митька наливал водку в деревянную чашку, выпивал, закусывал и прикидывал, которая из местных женщин будет ублажать его ночью. Или, может быть, позвать сразу двоих?

Ему бы остановиться, но баклажка не была прозрачной – сколько выпил, не видно...

* * *

Митька открыл глаза и ничего не понял: кругом была белесая, подсвеченная красным муть.

Мучительно захотелось вдохнуть, но воздух – или что это?! – не лез в легкие. Митька скрючился, прижал ноги к животу, но тут же забился в судорожном кашле и свалился с лежанки. Он упал лицом вниз в канавку, вытоптанную у основания земляного «топчана».

Как ни странно, но у самой земли воздух оказался чище, им можно было хоть как-то дышать. Судороги отступили, в голове слегка прояснилось, и Митька понял, что это не сон. Он находится в земляной юрте – большой прямоугольной полуземлянке, в которой зимует многочисленное семейство его «лучшего друга», камчадала по имени Галгал.

Судя по всему, в этом жилье приключился пожар – в центре горит большая куча хвоста, все пространство заполнено ядовитым дымом. «Что ж они молчат-то? Почему не переполошились?! – недоумевал Митька. – Тут же полно народу: и старики, и девки, и дети малые. Где все?! Тихо... Только огонь трещит... Еще бы ему не трещать – они ж вчера целый ворох сушняку натащали! Чтоб, значит, еду мне варить и меня, дорогого гостя, потчевать... Гостя потчевать... Бля!!!»

Вместе с очередным приступом кашля пришло понимание: и почему дым, и почему тихо.

Наученные горьким опытом прежних лет, камчадалы почти никогда не нападали на русских в открытую. Если им становилось совсем уж невтерпеж от их произвола, они резали служилых спящими или пытались сжечь их в земляной юрте.

Эти юрты представляли собой, по сути, прямоугольные ямы, перекрытые крышей, которую засыпали землей. Выходов из такой землянки всего два. Один – основной – в центре крыши. Через него уходит дым очага, через него же по лестнице входит и выходит население. Другой выход сбоку – вроде большой норы на уровне пола. По нему тянет воздух к огню, иногда им пользуются женщины, а мужчине пробираться через этот «жупан» крайне неприлично.

В земляной юрте, где проснулся Митька, население отсутствовало, оба выхода были плотно закрыты, а ведущая наверх лестница исчезла. Служилый лежал на земляном полу, с трудом дышал и отчаянно не хотел умирать. Однако было совершенно ясно, что спасения нет. Он, конечно, не сгорит заживо – без «тяги» огонь скоро потухнет и в юрте останутся только дым и угар. Можно было попытаться пробиться через «жупан», но на выходе его, конечно, ждали – с копьями или дубинами. Не для того ительмены поджигали юрту, чтобы выпустить гостя живым!

Злобы на своих губителей Митька почти не испытывал. По здешним представлениям, они были как бы в своем праве – воспользовались удобным случаем, а он – дурак! – им его предоставил.

Задышавшись, Митька попробовал молиться. Бывалые казаки рассказывали, что в безвыходной ситуации Господь иногда помогает. Ему-то он обязательно должен помочь, ведь серьезных грехов за собой Митька не числил. Во всяком случае, он знал множество людей, куда более достойных Божьей кары, – тот же Федька, к примеру...

Бог странно отреагировал на его короткую, истовую до бессвязности мольбу. В Митькиной голове возник огромный раскаленный шар. Он тут же взорвался, ударив по глазам ослепительной вспышкой. Когда она погасла, Митька понял, что находится в каком-то другом месте, где решительно ничего нет, но присутствует некто, вроде бы знакомый.

– Ты кто? – спросил Митька, сам не зная, на каком языке.

- Кто?! – злобно переспросил незнакомец по-русски. – Конь в пальто!
- Отродясь коней не видел! – признался Митька.
- Знаю, – процедил незнакомец. – Набил бы я тебе морду, если б... Эх!
- По что же? – заинтересовался служилый.
- Не «по что», а за что! – грубо ответил собеседник. – За то, что ты – сволочь последняя!

Да таких, как ты...

- Шибко-то не пугай, мы пуганые! – перебил его служилый. – Еще кто кого одолеет – неведомо!

– Ведомо! Я дерусь лучше – ты тормозишь сильно.

– Откуда знаешь?! – изумился Митька.

– Я-то все про тебя знаю, – ехидно ответил незнакомец. – А вот ты про меня?

– Н-ну... Как бы знакомы... – замялся служилый. – Встречались что ль? Никак не припомню...

– Ясен перец, блин!

– Проясни Христа ради, а? Сделай милость – худо мне!

– А мне, думаешь, хорошо, да?! – возмутился было собеседник, но сразу и отмяк: – Короче, глупость я сделал... Теперь мы с тобой вроде как сознаниями сцепились.

– Чем-чем?!

– Ну... душами что ли. Или мозгами... Только неудачно как-то! Короче, ты в детстве себе друга-приятеля придумывал? Разговоры с ним разговаривал, а?

– Было такое... – неохотно признался служилый.

– Как звал-то?

– Да так же и звал – Димитрием. Слушай, а может...

– Может! – оборвал незнакомец.

– Во дела... – озадачился казак. – Эт сколько ж лет прошло?!

– Сколько? Могу посчитать – тебе легче станет?

– Нет, ну как же... М-м-м... – Митька мучительно пытался выразить свою мысль, но убогого казацкого словаря для этого не хватало. – Слушай, так ты что же... есть? Ну, во плоти, что ли, живешь, да?

– Раньше жил, – мрачно ответил двойник, – а теперь не знаю. В общем, получается, что оба мы, как ты говоришь, во плоти, только в разном времени. Ну, типа, в детстве я жил примерно там же, где и ты, только лет на триста позже. В твоём как бы будущем.

– Ни хрена ж себе! – обалдел казак. – Бесовщина какая-то!

– Ты перекрестись – может, исчезну! – с издевкой посоветовал собеседник. – В общем, пока ты на отходняке маялся, я почти все про тебя узнал.

– А мне почему про тебя неведомо?! – обиделся такой несправедливости Митька. – Ты ж, кажись, тоже по младости меня придумал?

– Пить надо меньше – особенно этой вашей дряни, – посоветовал двойник.

– Ты это брось – вино было доброе! – возразил Митька. – Это я угару надышался, не иначе.

– Напился, надышался, обожрался – молодец! – похвалил Дмитрий. – Хочешь, попробую рассказать, что со мной было?

– Хочу!

– Ладно! Только ты сам-то мозгами не шевели – просто воспринимай.

– Как это?!

– Вот так...

* * *

– А далее? Далее давай! – потребовал Митька, когда пресеклась вереница образов.

– Я-то даю, а ты не берешь! – заявил Дмитрий.

– Эт почему же?

– А черт его знает! Может быть, из-за того, что как отец погиб, я тебя больше не вспоминал. Как бы сразу взрослым стал.

– Чо ж потом-то с тобой содеялось?

– Содеялось... Окончил восьмой класс в Жигановске и поехал в Москву – ближе знакомств не нашлось.

– В Москву?!

– Ну да... Только я не на Арбате жил, не думай! Мы с тетей Машей на окраине обитали, в новостройках. Там у нас житуха была повеселей родного Жигановска: и улица на улицу дрались, и между собой. Цепи, ножи, кастеты – обычное дело. Дома-то я среди пацанов своим был, к тому же сын самого Малахова. А там чужим оказался – никто и зовут никак. Пришлось устраиваться, отвоевывать место под солнцем. Начал учиться драться и мышцы накачивать. Ну, школу окончил и дальше науки грызть пошел – еще пять лет упирался.

– Ого! Так ты шибко грамотный, значит?

– Да уж пограмотнее некоторых. Потом много разного со мной было. И в конце концов оказался я там, откуда начал, – в родном районе. Даже примерно на той же должности, что и Сосюков. Правда, он рыбой занимался, а я лесом.

– Ас этим ворогом твоим что содеялось?

– Да он мне не враг... Его через два года после той истории убили. Это он еще долго продержался. А меня вот, считай, уже через три месяца кончили!

– Эт как же?!

– А вот так! Ну, приехал я, дела принял. Думал, просто бардак здесь, ан нет – мафия в три слоя, без конца и края! Меня сразу в оборот взяли: мол, кто не с нами, тот против нас. А хрена вам лысого, говорю! Буду с вами воевать – насмерть!

Ну, и началось: то местные хулиганы меня «учить» соберутся, то начальство «беседы» проводит, то взятку мне подсунуть пытаются, то с проституткой в бане застать. А вчера я спать улегся и форточку открыл – душно было в комнате. Ночью просыпаюсь – вроде как воняет чем-то знакомым. Свет включил – под окном мешок полиэтиленовый лежит, а из него дымок струится. Ну, вскочил я, мешок схватил и в форточку... Короче, выкинуть хотел. Может, и выкинул... А сам упал – мордой в землю. Лежу, задыхаюсь и соображаю, что из землянки мне живым не выбраться. При том, что вроде как в комнате я...

– Не разумею я, Дмитрий. Меня-то камчадалы в юрте зажгли, а с тобой чо?

– Я думаю, мне закинули в комнату тротильную шашку со взрывателем на огнепроводном шнуре. У нас такими пни подрывают. А тротил, он раз в десять сильнее пороха.

– И чо?

– Вот заладил! А я откуда знаю?! – устало ответил Дмитрий. – Говорю ж, сцепились сознаниями перед смертью... Ну, блин, и говно же из тебя получилось!

– Погодь лаяться-то, погодь, – пробормотал Митька. И вдруг закричал, разрывая душу: – САМ ВНЯЛ, ЧТО ВО ГРЕХЕ ЖИЛ!! ВНЯЛ УЖЕ!!!

– Не ори... – попросил Дмитрий. Голос его становился все тише, как бы угасал: – Кажется, я сейчас умру... И ты умри, гад... Камчадалы – кровь твоя, а ты их...

– Погоди, Димка, погоди!! – молил Митька. – Я ж не виноват, что в будущем ительмены исчезли, что леса вырубил, что рыбу... НЕТ, Я ВИНОВЕН! ВИНОВЕН! НО Я НЕ ХОЧУ ТАК УМИРАТЬ!! НЕ ХОЧУ!!! Неужели никак не исправить?!

– Не знаю... Попробуй... – это был уже еле различимый шепот. – Может, мое прошлое изменится... Иной лад пойдет...

– Не умирай, Димка!

– Без меня и противоречия не будет... Изменится прош...

Вновь все пространство, весь мир заполнил раскаленный, ослепительный шар. Он и так занимал все, но продолжал расти. Мучительная судорога изогнула Митькино тело, сердце остановилось, он перестал дышать. И шар лопнул, взорвался, разлетелся клочьями вместе с человеческим телом. Оно извивалось, оно царапало когтями землю, оно освобождало кишечник и мочевой пузырь...

Эта мука не имела конца, а терпеть ее было невозможно. Надеясь хоть как-то остановить, прервать хоть на мгновение эту пытку, Митька вскочил и кинулся туда, где был нижний выход-жупан, но тут же споткнулся и упал головой в огонь. Борода и волосы вспыхнули. Митька не почувствовал боли, резко откатился в сторону и снова вскочил. Ему нужен был выход, и он нашел его.

Сам не понимая, что делает, служилый начал отпихивать, отбрасывать в сторону какие-то палки, камни, обрывки шкур, куски льда. Вряд ли это продолжалось долго – вход не замуровали снаружи, а просто засыпали чем попало. В какой-то момент руки не встретили сопротивления, и Митька повалился куда-то вперед. Он вдохнул воздух и понял, что сейчас все-таки умрет. Он понял это и закричал...

С тяжкого похмелья, надышавшись угарного газа и дыма, пережив странное озарение, в последние секунды своей жизни русский казак Дмитрий Иванович Малахов кричал.

Он кричал на родном языке – том, на котором говорила с ним мать.

* * *

В конце концов люди опустили оружие – никто так и не решился ударить. Даже Галгал отвел в сторону наконечник своего копья. Он считался лучшим другом этого казака и, значит, имел право сам – собственной рукой – убить его. Люди, как могли, каждый год ублажали русского гостя, сносили его побои и покорно отдавали все, что он требовал. От стариков, от соседей они знали, что везде и всегда русские именно такие. Или хуже. Казак Митрий, по крайней мере, редко кого-нибудь убивал или забирал за долги детей и женщин, не устраивал мужчинам пыток. Люди, конечно, могли бы перетерпеть и этот приезд, но служилый выпил много огненной воды, крепко заснул и перестал видеть и слышать. Этим нельзя было не воспользоваться.

Русские ассоциировали нижний выход из зимнего жилища камчадалов с анальным отверстием, а многие ительмены – с женскими детородными органами. Холм крыши, естественно, ассоциировался у них со вздутым животом беременной. Если бы из юрты выбрался знакомый казак, хозяева немедленно убили бы его. Однако появилось – родилось?! – совсем другое существо. Оно было грязным, обгорелым и, самое главное, оно кричало как человек – как родственник, как один из них.

Ительмены не образовывали ни родов, ни племен, но в каждой территориальной группе был свой диалект языка. Многие «русские» знали язык камчадалов, но говорили они как люди группы буринов. Этот же «ребенок» явно принадлежал к группе кулес, среди которых и находился.

Митька наконец перестал вопить и биться, перестал просить пощады и звать маму. Он закрыл обожженное лицо руками и заплакал. Заплакал от бескрайней обиды на себя, на весь мир, на Бога и на то, что его никак не убьют.

Людям надоело стоять вокруг, и они начали опускаться на корточки. За их спинами появились женщины, у которых любопытство пересилило страх.

– Э, ты кто? – Галгал потыкал древком лежащего. – А русский где?

Митька отер слезы, сморкнулся, зажав ноздрю пальцем, и сказал правду:

– Нету русского. Хаэч забрал его к себе под землю, а меня прислал оттуда. Коско я.

– Коско?!

– Ага. Из дома Асидана.

– Во-от оно что! – облегченно и радостно загомонили присутствующие. – Асидана!

Митька ничего не придумал: объединение родственных семей, в котором он провел несколько лет своего детства, не так давно вымерло поголовно от какой-то болезни – люди ушли к Хаэчу...

Остаток ночи, утро, день прошли в каком-то мучительном полузабытьи. Митьку тошнило, все время хотелось пить, накатывали приступы дикой головной боли. Когда они проходили, легче не становилось – возникала какая-то другая мука, которую и словами-то не опишешь. Он смотрел на знакомый заснеженный мир, но сквозь него или поверх него проступали совсем другие картины – абсолютно незнакомые и пугающие своей реальностью. Иногда ему мерещилось, что он дерется с какими-то невиданными людьми или демонами – несколькими сразу. Наверное, при этом он начинал кричать, махать ногами и руками, так что его приходилось держать, чтоб не покалечил кого-нибудь или не покалечился сам.

Такое поведение пришельца с «того света» очень забавляло детей, а вот взрослых вскоре начало беспокоить. Они посоветовались и решили призвать на помощь бабушку Чекаву, которая считалась большой специалисткой по излечению всяческих недугов. Как настоящий врач, Чекава долго щупала Митьку, включая «интимные» части тела, заглядывала в рот и в уши, задавала какие-то совершенно дурацкие вопросы – и все это при полном собрании публики. В конце концов она объявила во всеуслышание свой диагноз: скорее всего, у «пациента» душевный разлад. Причем разлад в прямом смысле: его души (а у любого человека их несколько) что-то не поделили между собой и никак не договорятся. Помочь им трудно, но попробовать можно: души либо помирятся, либо разбегутся, и тогда больной, естественно, помрет. Общий совет взрослых решил попробовать: людям хотелось развлечься, чтоб поскорее забыть о кошмаре, когда у них гостил служилый Митрий.

Вечером все собрались в жилище, где среди прочих обитала Чекава. Бабка принялась петь и стучать в бубен, а мужчины кормили Митьку болтушкой из сушеной рыбы. Она была холодной и совершенно несоленой, поскольку камчадалы горячую еду не любили и соль не употребляли. Митька не сопротивлялся – не до того ему было. Этой болтушки было очень много, и его в конце концов стошнило, что вызвало бурную радость окружающих. Едва он отдышался, его снова стали кормить – тем же самым. С тем же результатом... Чтобы прекратить мучение, Митька попросил чего-нибудь другого. Рыба сменилась жидкой толкушей из каких-то корешков. Ее тоже было очень много, и результат, соответственно, был таким же... Бабка это одобрила – лечение, по ее мнению, продвигалось успешно. Потом Митьку поили отваром из стеблей кипрея. Краем гаснущего сознания он отметил, что знакомый напиток имеет странный привкус, а сам он сидит в довольно глубокой луже из собственной рвоты. Кипрейного «кваса» было много – приличных размеров деревянное корыто. Кажется, все его содержимое, пройдя через Митькины внутренности, пополнило лужу. А потом ему стало легче и он уснул.

* * *

Митька открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно в полном мраке. Люди вокруг сопели, чесались и храпели во сне, но воздух не был спертым благодаря открытому настежь дымовому отверстию. Со своего места он видел даже полоску неба в этой дыре. Она была чуть светлее всего остального – наверное, светила луна.

Чувствовал себя Митька на удивление хорошо, разве что чесалось в паху и под мышками, но вши – дело привычное. Голова слегка побаливала, причем снаружи. «Кажись, волосы вчера спалил, теперь плешивый ходить буду... Плешивый... Черт плешивый... Черт! Так, может, это я черту душу свою продал?! Вроде не продавал... Ладно, доберусь до Нижнего, дам батюшке лису – он растолкует. Ну, епитимью какую наложит... Нет, лучше две лисы – добрее будет». С некоторым удивлением Митька обнаружил, что после вечерних излишеств он хочет... пить, а вовсе не наоборот! На всякий случай он пошарил рукой у изголовья и с радостью обнаружил кожаное ведро, полное холодной воды. Без такого ведра камчадалы обычно спать не ложатся, и кто-то из хозяев позаботился о беспомощном госте. Митька сел на своем земляном топчане, ухватил посудину, собрался пить и обнаружил, что рта открыть не может – больно! Потрогал рукой губы и подбородок – усы и борода отсутствовали, на коже волдыри. «Да-а-а, теперь, наверное, и мать родная не узнает...»

Его разбудили крики и суета в жилище. «Разорались, словно пожар случился, поспать не дадут!» – обиженно подумал Митька и вдруг понял смысл этих криков: русские едут, много русских! Ему сразу стало тоскливо – «многими русскими» мог быть только отряд сборщика ясака. «Какого ж лешего их принесло?! Должны ж приехать не раньше, чем через три недели! Еще промысел не закончился! Верхотники поганые, ублюдки!»

Исторически сложилось так, что камчадалы речки Песчаной относились к ведению Верхнекамчатского острога. Соответственно, тамошний заказчик и высылал сборщика, а потом отчитывался перед приказчиком – командиром всего полуострова. Жили в Верхнекамчатске бедно, а потому за назначение в команду сборщика давали заказчику большой окуп. Других способов «подняться» у местных служилых почти не было, поскольку российские товары попадали к ним через вторые-третьи руки и стоили баснословно дорого. Самих же верхнекамчатских жителей большецерецкие служилые к купцам старались не подпускать – держали монополию. На этой почве между теми и другими была превеликая любовь – не дай бог в лесу встретиться! И это при том, что всех служилых на Камчатке обитало меньше двух сотен и все друг друга знали, если не по имени, то в лицо. В общем, так и так получалось, что Митька попал по-крупному: поил камчадалов водкой, торговал с ними до сдачи ясака, и все это на «чужой» территории! «Вопрос лишь в том, довезут ли меня живым до тюрьмы. Если не довезут, то меньше мучиться, – констатировал «браконьер». – А может, не признают меня, обгорелого-то? Собаки у меня обычные, нарты камчадалские, а одежда небось как у последнего оборванца стала. Господи, помоги!»

Первым делом, как водится, все население острожка выгнали из жилищ на улицу и устроили переключку – по ясачной книге. И, как обычно, по списку плательщиков ясака оказалось чуть ли не в полтора раза больше, чем взрослых мужчин в поселке. Митька сам не раз ходил за ясаком и прекрасно знал, в чем тут дело: пишут в книгу всех подряд, включая детей. Счет не сошелся, и Галгалу, который числился по записи местным тойоном, пришлось держать ответ. Ительмен лопотал, толмач переводил с важным видом, десятник хмурился, а казаки из команды посмеивались и подмигивали женщинам. Беседа выглядела примерно так.

Десятник: Где Талгач?

Галгал: Господин, он помер три года назад.

Десятник: Помер?! А почему раньше не сказал? Подарки за него получать желаешь?!

Галгал: Я говорил, господин десятник, всегда говорил!

Десятник: А почему в книге не отмечено?

Галгал: Я просил отметить, очень просил – говорил, что Талгач совсем помер. Он ничего больше дать не может. Просил в книге написать, ты обещал...

Десятник (изображает безудержный гнев): Я обещал?! Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать, что я тебя обманул?!!

Галгал: Нет!! Нет!!!

Но поздно: подсакивают двое казаков из «охраны» и некоторое время месят тойона кулаками и ногами – просто так, для острастки. Потом ставят его на ноги и беседа продолжается.

Когда-то Митька и сам вот так же стоял среди «охраны», посмеивался и прикидывал грядущие барыши, а теперь... Сначала ему стало невыносимо стыдно – хоть вешайся. А потом накатила обида и злоба, словно враги его связали, плюют в лицо и смеются. Митька терпел, скрипел зубами и все ниже сгибался, чтоб не увидели его за чужими спинами.

Только спрятаться не получилось – закончив с переписью, десятник влез на нарту, осмотрел собравшихся и ткнул рукавицей:

– А это там кто? А ну, тащи его сюда!

– Это не наш человек, – сказал Галгал. – Это чужой, это гость...

– Гость?! Откуда взялся?

– Он из дома Асидана...

Толмач назвал русское обозначение соответствующего поселения, и десятник возмутился:

– Брешет – там все передохли!

– Этот один остался. Его Коско зовут...

Митька уже достаточно продвинулся вперед, чтобы десятник смог рассмотреть его обожженное лицо. Оно так понравилось начальнику, что он зарычал понятное без переводчика:

– Поди прочь, ублюдок! Не подходи!! Святой Боже, да он же в парше весь!

Между тем избитый Галгал согласился заплатить за давно мертвого Талгача. Потом назвал имена двух чуть подросших за год мальчишек – отныне они делались полноценными подданными государства и ясакоплательщиками. Затем началась процедура приема ясака. За всех рассчитывался тойон как главный, но кучки шкурок были персональными – от каждого плательщика, так что тумачов перепало и тому и другому.

Счет шел, конечно, на соболиные шкурки, а лисьи были их заменителями, но в большем количестве. Ясачная подать была мизерной – по одному соболю в год с человека. Это просто смешно для страны, где когда-то соболя, как крысы, бегали между жилищами и воровали рыбу из балаганов, где лисы почти не боялись людей и дрались с собаками из-за их корма. Однако все изменилось. За пушниной стало нужно ходить на промысел, а для ительменов, оседлых рыболовов, это мука мученическая.

Обычно тойон называл плательщика и подавал шкурку. Главный сборщик ее рассматривал, находил какой-нибудь изъян и браковал, но не возвращал владельцу, а бросал в кучу. Естественно, требовалась замена. Иногда и вторая шкурка браковалась. Годные, то есть принятые в зачет, шкурки аккуратно складывались в другую кучку. Когда ясак был наконец уплачен, нужно было сделать «жест вежливости» – дать еще две или три шкурки в качестве подарка за честь. Это называлось «чащина». Отказ или предоставление некачественных шкурок считались демонстрацией неуважения, попыткой оскорбить начальство, чуть ли не изменой, а за такое надо наказывать! Кроме того, плательщик должен отблагодарить переводчика – он же работал! – и служилых, которые неустанно охраняют сборщика.

На сей раз дело пошло туго. Если первый плательщик с грехом пополам сумел рассчитаться, то уже на втором дело застопорилось – нет хороших шкурок, одна дрянь! Это было действительно так, поскольку лучшую пушнину уже забрал «Федькин покрученник». Однако это имя не прозвучало, ведь никто не спросил человека, куда он дел хорошие шкурки, – и так ясно, что припрятал!

Десятник был опытным сборщиком и прекрасно знал, как обращаться с камчадалами. Знал он, что эти «людишки» больше всего боятся отсроченного наказания – бейте, дескать,

хоть до смерти, но сейчас! Поэтому он поступил мудро: ительмена раздели, положили на снег и выдали ему полтора десятка батоков – ударов ивовым прутом толщиной в палец. На спине вспухли багровые рубцы, но кровь не пошла... Нерадивого плательщика поставили на ноги.

– Нету, говоришь? – ласково обратился к нему десятник через переводчика. – Ладно... Тогда иди в свою юрту и поищи. Может, они где завалились, а ты и забыл? Ну, а если не найдешь, тогда мы тебя будем долго бить – по спине и по животу. Ступай! Кто там у нас по очереди?

Митька не раз слышал, что такую «пытку ожиданием» ительмены иногда не выдерживают и кончают жизнь самоубийством. Служилые считали это проявлением трусости и потешались над туземцами. Сейчас Митьке было не смешно. Он и не знал раньше, что от стыда можно выть, как от боли, можно, наверное, и руки на себя наложить...

«Да что же это такое со мной?! – в замешательстве думал Митька. – Бес, что ли, в меня вселился или... наоборот? Рассказывал батюшка что-то такое... Ну, про Павла, кажется, который в Савла обратился. Надо спросить будет. А сейчас делать-то что? Не могу ж я так! Может, покаяться и муку принять? Но ведь мое добро все равно в ясак не запишут – себе возьмут и посмеются только. Что делать-то?!»

Сгорбившись, опираясь на палку, Митька побрел к жилищу, в котором только что скрылся отправленный «подумать» Пасуич. Его не окликнули, не заставили вернуться – это было удачей. В полутьме земляной юрты было видно и слышно, что взрослый мужчина лежит на топчане и... плачет.

– Перестань, – сурово сказал Митька, превратившись в Коско. – Перестань, ты ж не ребенок! Куда вы дели вещи русского, которого забрал Хаэч?

– Вон они...

– А почему не разобрали? Почему не выкинули?

– Нельзя... Вдруг Митрей вернется?

– Он не вернется никогда.

– Никто не знает...

– А я знаю! Если придет, пускай со мной разговаривает. – Митька выволок на свет кожаный мешок, развязал горловину и вытащил три шкурки. – На, возьми и отнеси русским. Скажешь, что вспомнил. Хотя нет... Скажи правду – Митрею долг хотел отдать. Они про него знают, они поверят. Остальным людям передай, пусть тоже приходят – здесь всем хватит. Только не сразу.

Сборщик был доволен – то ли камчадалы здесь стали покладистее, то ли в начале зимы случился «привал» соболя, и они его наловили вдоволь. Последнее было вероятней и сулило в будущем новые удачи, поскольку на этой речке имелось еще два туземных острожка. Надо было торопиться в дорогу, пока там еще не слышали о приезде сборщиков: многие плательщики взяли манеру уходить вместе с семьями в бега.

С пушниной было покончено, и десятник уступил «место на сцене» одному из служилых. С чувством исполненного долга он отошел в сторону, набил трубку китайским табаком, велел раздобыть ему уголька и стал слушать следующего оратора:

– А теперь порадейте об отце вашем родном, верном слуге государевом, честном заказчике Андрее Васильевиче. Он-то о вас да о государе день и ночь думает, весь в трудах и заботах. Вы уж ему пособите чем можете. Чего сколько ему потребно, помните али сказать?

Толмач перевел глумливую речь, но никто, конечно, не откликнулся на вопрос. Тогда казак начал перечислять, и никакой книги ему для этого было не нужно:

– Рыбы-юколы – пять пуд несите, да чтоб не гнилая была! Травы сладкой сушеной – один пуд десять фунтов, травы-кипрею – полпуда, ягоды-брусницы – пять ведер, ягоды-водяницы – шесть ведер, орешков кедровых – двенадцать фунтов... Чего они?

- Не уродился, говорят, орех-то, – перевел толмач. – Ничего по осени не собрали.
- Да? Ну, тогда пусть шкуру медвежью дадут или сараны еще полпуда...

Перечисление закончилось крапивными нитками для вязки сетей. Раньше требовали готовые сети, но служилые убедились, что «подарочные» снасти никуда не годятся – дешевле честно купить (точнее, выменять) у ительменов возле острога. В этом случае есть надежда, что сеть прослужит хотя бы один сезон.

Никаких весов в наличии, конечно, не имелось. Все эти пуды и фунты определялись исключительно «на глаз», точнее, на руку. Ободренные пушным успехом, служилые придирались не сильно. Да и некогда было – десятник велел грузить нарты с вечера, чтобы тронуться в путь рано утром. Речь о том, что продовольствие повезут сами камчадалы на своих упряжках, даже не шла – это и так было всем ясно.

Уже в темноте Митька подошел к тойону:

- Послушай, Галгал, я заменю завтра кого-нибудь из твоих людей и поеду с русскими.
- Поезжай, – равнодушно ответил ительмен. Ему было уже на все наплевать, да и власти над сородичами, на самом-то деле, он почти никакой не имел.

Пасуич был рад Митькиному предложению – да и любой бы обрадовался на его месте...

* * *

В то утро Митька обнаружил, что смотрит на мир другими глазами – в прямом смысле. Многое из привычного, совершенно обыденного вдруг стало ярким и важным. Он заметил, что ительменские женщины очень красивы, а вши, которые по ним ползают, отвратительны. Он понял, что никому не нужные горелые сопки на горизонте – это вулканы, это дырки до раскаленных глубин земли. Он осознал, что едет на собаках по заснеженному миру, в котором еще нет ни парового двигателя, ни электричества. Как выяснилось, сам-то он знает, что такое электричество, и даже может представить себе клавиатуру компьютера. Это новое восприятие, эти смутные новые знания были совершенно лишними, ненужными в Митькиной жизни. Они, правда, и не лезли на передний план, однако при желании их можно было приблизить, рассматривать, смаковать...

До соседнего камчадальского острожка было недалеко, однако на середине пути решили все-таки сделать остановку – груз поправить, собак покормить да и самим перекусить. Двух казаков, тех, кто помоложе, десятник отправил проверить камчадальские нарты – не потеряли ль чего по дороге, а то знаем мы их! Вот тут и случилось несчастье.

– Слышь, ты, увечный, – всмотрелся в Митькино лицо щербатый парень, – ковой-то ты мне напоминаешь, а?

– Господин, я совсем не понимаю по-русски, – пробормотал Митька. Он согнулся и попытался, пытаясь изобразить испуганного камчадала.

– Ну-ну, – почесал бороду казак.

Многообещающе усмехаясь, то и дело оглядываясь, служилый шустро двинулся в голову каравана. «Кажись, признал, сволочь, – подумал Митька. – Это я ему в прошлом году зуб выбил. Сейчас десятнику доложит. И что делать? Бежать некуда... Впрочем, куда – это дело второе. Первое дело – как? Мы едем по старому санному следу. Вырваться можно только на передней упряжке – уйти вперед по лыжне. По целине ехать нечего и пытаться – сразу завязнешь...»

Худшие опасения сбылись очень быстро – теперь уже трое служилых направились в хвост растянувшегося каравана. Для надежды на благополучный исход не осталось ни малейшего повода. И эта полная безнадежность породила в Митькиной обновленной душе

этакое... веселье, кураж что ли. «Прямо как после чарки, – улыбнулся служилый. – Эй, Дмитрий, сейчас нас вязать будут! А я биться стану!»

Это была шутка, но внезапно пришел ответ – беззвучный, явственный и совершенно серьезный. Ответ именно «пришел», хотя Митька, кажется, сам его придумал:

– Давай, дерись. Только поссы сначала – легче будет.

– Ща-ас, – ответил сам себе служилый. – Это мы быстро. Ты сказывал, будто на кулаках зело горазд, так помогай! Их-то трое!

– Я попробую, ты только мне не мешай, – ответил Дмитрий.

– Интересно, как же это я сам себе помешаю?! – подумал Митька и мысленно махнул рукой: – А, была не была!

Он отошел на несколько шагов в сторону от своих саней и стал справлять нужду. Сделав дело, Митька не повернулся к людям, а начал возиться с ремешком на штанах. За спиной заскрипел снег – кто-то подошел к нему совсем близко:

– Эй, Митрий!

Такого служилый не ожидал и машинально оглянулся. Сзади раздался дружный смех:

– Гы-гы-гы, я ж грю: это Митька – говнюк большевецкий!

Скрывать лицо больше не было смысла, и Митька повернулся к врагам. Перед ним был все тот же щербатый:

– А-а, потрох сучий... Тьфу!

От плевка в лицо Митька уклонился, шагнул к противнику и без замаха, с подворотом корпуса врезал кулаком в подбородок снизу. Раньше он так никогда не бил, а сейчас как-то само получилось. Лязгнули зубы, голова мотнулась назад, и парень повалился на спину. Митька припал на правое колено, дважды – коротко и мощно – пробил по корпусу чуть ниже грудины и вскочил на ноги. О таких приемах в драке он даже не слышал, но опять все получилось как бы само. Он испытал мгновенное удовлетворение: «Так и надо – чтобы не встал!»

Двое казаков стояли чуть поодаль. Митька метнулся к ближайшему. Тот только начал замахиваться, когда Митька, сделав глубокий выпад, достал его левой по ребрам, а затем, развернув правый кулак, ударил основанием ладони под нос, буквально размазав по лицу носовой хрящ и верхнюю губу.

Он опять испытал удовлетворение: «Этого сделал! Дальше!»

Третий уже набежал, размахивая кулаками – справа налево, слева направо. Митька сначала отшатнулся назад, а потом, прикрывшись руками, подался вперед и ударил коленом в пах...

Чтобы и эти двое не встали, он поступил с ними жестоко и эффективно – ему самому неведомым раньше способом. Митька больше не удивлялся, а только радовался веселой легкости в душе и теле. Казалось, он не побежал по рыхлому снегу, а просто полетел над ним – вперед, к голове каравана.

Служилых было много, но они не смогли сгруппироваться, чтобы разом навалиться на одного. Они вступали в игру по одному, по двое, и Митька выбивал их уверенно и быстро, словно всю жизнь только тем и занимался, что в меховой одежде дрался на снегу с превосходящими силами противника. На поясе у него болтался нож, но он не вспоминал о нем, пока...

Пока под руку не попался десятник. Командир именно попался, поскольку сам в драку не лез – не по чину ему, не по возрасту, да и не по силам, наверное. Митька схватил его, выкрутил руку и поволок в сторону, чтобы оставшиеся враги были перед ним, чтоб не зашли сзади. Такую возможность казаки ему дали, поскольку прыти у последних, оставшихся на ногах, сильно поубавилось.

– Пусти! Больно же, ч-черт! Руку сломишь... – хрипел начальник.

– Щас, ща-ас полегчает, Михал Петрович, – успокаивал его Митька, пытаясь свободной рукой вытащить ножик из ножен. – Не дергайся тока, смирененько стой.

– Ты правда, что ль, Митька Малахов?!

– Лысый черт тебе Митька!

– Что ж ты творишь-та?! Ведь запорют на дыбе! Мы ж с твоим батей сколько водки...

– Знаю я ваши дела, – огрызнулся служилый, – наслышан! Лучше молчи!

Лезвие ножа он просунул в отворот кухлянки и упер острие в шею десятника.

– Жила же там! – прохрипел несчастный.

– А ты не рыпайся, – посоветовал Митька и обратился к присутствующим: – Кто ко мне шаг сделает, Петровича порешу – мне терять нечего.

И тут он понял, что та бесовская сила, которая только что вела его от победы к победе, сейчас толкает на ошибку: «Да они только рады будут, если я десятника зарежу! Добычу по-своему переделают, а все грехи на меня свалят. Не так надо, не так!»

Угроза убить командира все-таки принесла пользу. Она создала паузу, во время которой служилые приходили в себя и осмысливали случившееся. Дармовых приключений на свою задницу никто из них не хотел. Собственно говоря, приказа брать этого черта не было, так за что страдать? Все равно он никуда не денется...

Тем временем Митька ласково зашептал пленному в ухо:

– Слышь, Михал Петрович, прикажи им с твоей нарты пушнину снять, а два мешка юколы положить – вон с тех санок. А потом пусть собак отвяжут. И чтоб быстро – бегом!

Десятник немного подумал и начал командовать. Всем было ясно, что он это делает не по своей воле, но какая служилым разница? Коли Петрович жив останется, он сам за свои слова и ответит. А вот если не послушать его, это будет своевольство, за которое батоги полагаются, а то и штраф. Уж лучше сделать, как он скажет.

Митька опасался, что, пока будут готовить упряжку, подтянется кто-нибудь из ранее побитых и опять начнется кутерьма. Однако этого не случилось – то ли он так надежно уложил всех, то ли пострадавшим и вставать-то не хотелось.

– Ну, Михал Петрович, прощаться станем! – жизнерадостно сказал Митька.

– Не будет тебе прощенья, злыдень, – пробурчал десятник.

– Эт мы поглядим еще! – усмехнулся Митька. – Ты на меня заказчику скажешь, а я на тебя – приказчику в Большерецке. Поведаю, как ты казне государевой обман творил: малолеток в ясак писал, а покойных не списывал. И чащину с них требовал, а на это запрет по указу – разве забыл? А расписку за ясак ты хоть одну камчадалам выдал? То-то! И вообще: чтой-то я не заметил, как ты казну ясачную печатывал. Может, у тебя и печати нет, а? Сколько «бракованных» соболей ты забрал, успел посчитать? А я успел! Так кому из нас на сыске слаще придется?

– Все так делают! – резонно возразил ясачный сборщик. – А вот ты тут зачем оказался? Пока ясак не собрали, торговать с инородцами не можно – разве забыл?

– А я и не торговал!

– Нет, не жить тебе, Митька!

– Ничо, как совсем припечет, я «слово и дело» крикну – на тебя да на заказчика вашего!

– Совсем ума лишился! – обалдело пробормотал Михаил Петрович. – Всех сгубить порешил...

– Зато потешусь напоследок! – рассмеялся Митька. – Не скучай тут без меня!

С таким же успехом Митька мог бы врезать десятнику по уху: от угрозы – вполне реальной! – попасть под «слово и дело государево» дыханье у Петровича перехватило, а в глазах помутилось. Оно и понятно: по «слову...» и обвинителя, и обвиняемых должны заковать в железа и отправить к губернатору, а то и дальше – прямо в Преображенский приказ. Дыбу и кнут можно, конечно, найти поближе, но только там положено доискиваться правды

по государственному преступлению. В общем, у виновного и невинного шансов уцелеть почти нет.

Погони Митька опасался не сильно – пока она соберется, он с версту успеет проехать. Опять же, кто будет его догонять? Камчадалов на такое дело не пошлют, а служилые, если и поедут, торопиться не станут. Правда, если в обозе найдется хоть одно заряженное ружье, то могут и в спину стрельнуть. Ну, так еще и попасть надо!

Тем не менее, пока ясачный караван не скрылся за бугром, Митька чувствовал себя беспокойно и собак гнал безжалостно. Потом немного остыл и задумался: «Куда ехать-то? Впереди камчадалский острожек, который я сам и обобрал. Причем обобрал до ясачного сбора: по совести это подлость, а по закону – преступление. Ничего уже не исправить... А может, вернуться? На подъезде к острожку свернуть по какому-нибудь старому следу и переждать, пока ясачники проедут...»

На первой же развилке Митька выбрал самый накатанный след, уводящий в сторону. Он не ошибся: вскоре вдали на берегу протоки показались балаганы. Служилый не поехал к ним сразу, а вернулся немного назад, чтобы через перегиб склона наблюдать за основной дорогой. Караван сборщиков ясака проехал к острожку лишь поздно вечером...

Собак Митька привязал к столбам балагана, груз с нарты перетаскал наверх и устроился там на ночевку – расстелил трофейную подстилку прямо на сушеной рыбе. Ею же он и поужинал, а вместо питья пожевал снегу – такое меню для него было вполне привычным. Ему не хотелось ничего делать и ни о чем думать, а хотелось скорее заснуть. Точнее, скорее проснуться и обнаружить, что весь сегодняшний день ему приснился.

Утром он не спеша пожевал юколы и ею же покормил собак. Потом сбросил вниз груз, уложил его на нарте, запряг собак и тронулся в путь. Добравшись до основной «дороги», идущей вдоль реки, повернул направо – вверх по течению.

В камчадалском острожке никто не был рад его возвращению, но и прогонять не стали. Митька отыскал Галгал а и вежливо поздоровался.

– Зачем пришел? – спросил тойон.

– Хочу хватать твою дочь, – ответил служилый.

– Хватай, если сможешь, – пожал плечами отец.

Пожилой камчадал даже не спросил, которой из трех дочерей заинтересовался пришелец. Для Митьки ж это было разрешением остаться в их семье надолго.

Митька оглядел как бы новым взглядом земляную юрту тойона, в которой предполагал провести какое-то время. Основной конструкции была земляная яма примерно десять на шесть метров и глубиной метра полтора. По всему периметру в дно было забито множество кривоватых кольев – стволов ольхи и ивы, так чтобы они были как можно плотнее друг к другу и не возвышались над краем ямы. С внешней стороны этот забор проложили сухой травой и присыпали землей. Внутри он образовывал стены жилища. По верху ямы, повторяя прямоугольник, были уложены и закреплены толстые бревна. Внутри стояли четыре столба метра по три высотой. Сверху на них уложены бревна-поперечины, образующие малый прямоугольник. На него уложены стропила – палки разной толщины. На верхнем конце они привязаны к бревнам ремнями, а нижние концы упираются в бревна по верхнему периметру. Поперек стропил уложена всякая древесная мелочь – палки, прутья, куски коры. Все это накрыто слоем сухой травы и засыпано землей, которая хорошо утрамбована. В сторону реки прокопан выход для притока воздуха, а примерно в центре крыши дыра, которая является дымоходом и входом-выходом для людей. К ней ведет лестница – довольно толстое тополевое бревно с глубокими зарубками. Правда, «ступеньки» уже изрядно стесались от частого употребления. Внизу вдоль стен идет земляной уступ или полка, высотой примерно по колено. Он застлан травяными циновками и шкурами. На нем сидят, спят, занимаются рукоделием. На него же свалено всяческое барахло, по нему ползают дети...

Брачные обряды камчадалов были Митьке известны. Раз его здесь принимают за своего, то можно вообще ни у кого ничего не спрашивать. Достаточно прийти в острожек и начать трудиться, делая любую работу и демонстрируя свою ловкость избраннице и ее родителям. Этим можно заниматься год, и два, и три, а потом уйти ни с чем. Если же избранница выказывает признаки благоволения, можно спросить у родителей разрешения на «хватание», а можно и не спрашивать, поскольку хорошим работникам родители не отказывают, а решение в любом случае остается за невестой. Если жених не нравится, она может потребовать его удаления из острога, и требование будет исполнено. Само «хватание» – это игра, в которой ведет девушка, а проявлять активность должен жених. Цель данного мероприятия – уловить удобный момент, чтобы избранницу схватить, добраться до тела ниже пояса и засунуть палец во влагалище. Если получится – брак заключен, женщина становится законной женой. В этой игре невеста может развлекаться как угодно: напяливать на себя несколько штанов, обматываться ремнями и обрывками сетей, чтобы затруднить доступ, она может визжать и отбиваться при нападении. В последнем случае все члены семьи бросают свои дела и начинают жениха отгаскивать, колотя его чем попало. Невеста может, конечно, и не визжать или визжать не сильно, может даже помочь справиться с завязками на своих штанах...

В случае успешного «хватания» брак считается заключенным, никаких торжеств или праздников по этому поводу не устраивается. Жена исполнять «супружеские обязанности» вовсе не обязана – это на ее усмотрение. Впрочем, на женское усмотрение у ительменов оставлено очень многое...

Митька, он же Коско, смотрел на копошение людей в полумраке землянки и пытался вспомнить, сколько же у Галгача дочерей, – совершенно точно, что больше двух. Ну, собственно говоря, он не обязан был прямо сейчас сделать выбор. Проблема заключалась в другом. В среде русских служилых и обывателей доминирование мужчин было абсолютным, освященным Церковью и мирскими законами, – никому и в голову не приходило, что может быть иначе. У ительменов никаких законов, конечно, не было, но были вековые традиции, согласно которым в повседневной жизни семьи доминировала женщина. Она распоряжалась имеющимися в наличии ценностями и лакомствами, такими, как табак и... собственные детородные органы. Угрожая отказом в соитии, камчадалки привыкли вить из своих мужей веревки, а найти на них управу было очень трудно. Явившийся на «отработку» жених оказывался как бы в двойном рабстве – у всех сразу и конкретно у своей избранницы. А зимой мужчина, если он не занят на промысле, должен готовить еду для людей и собак, обеспечивать семью топливом, строить нарты и лодки, чинить старые сети и вязать новые. Последнее занятие можно считать не работой, а отдыхом, поскольку физических усилий оно не требует, занимает все свободное время и никогда не может быть кончено – сети из крапивной пряжи быстро рвутся, их не бывает слишком много. Дмитрий Малахов был служилым казаком не первой молодости. За всю свою жизнь он никогда не занимался домашней работой – на это холопы есть!

Две молодые женщины приятно проводили время: устроившись возле очага, одна положила голову на колени другой. Та выбирала у нее из волос вшей и отправляла их в рот. Услышав голос гостя, дамы оставили свое занятие и принялись его рассматривать. В своей «прошлой» жизни Митька «пробовал» и ту и другую – к взаимному удовольствию. Похоже, они были вовсе не против, чтобы данный казак обратил их в рабство и забрал с собой. Но Митрий был русским, а Коско – свой. «Свои» же мужчины у ительменок котировались значительно ниже...

– Хи-хи, Коско, а Коско, ты кого хватать хочешь? Хи-хи! – подала голос Ачек. – Меня, да?

– Да не тебя, а меня! – вступила Афака. – У тебя сурмана маленькая, тебе замуж рано!

– Подумаешь! – фыркнула Ачек. – У него у самого – хи-хи! – кхутак небось с пальчик! Не то что у русского Митрия!

– Ну-у, если маленький... С маленьким я тоже не хочу! Хочу чтоб с длинным, толстым и горячим. М-м-м! – Афака мечтательно прикрыла глаза и произвела попой несколько одно-значных движений. Потом открыла глаза и капризным тоном приказала: – Покажи!

– М-м-м... – растерялся Митька.

Собственно говоря, заголиться при ительменках ему ничего не стоило – стыдливостью он не страдал. В шок его повергла женская бесцеремонность – так с ним еще никто не обращался.

– Вот! – обрадовалась Ачек. – Даже показать боится!

– Да ну его! Стоит как дурак! А я опану хочу! Сделай!

– Точно! Покажи, Коско, какой ты ловкий, хи-хи! А потом собак покорми.

– Ладно, – сказал Митька. – Сделаю.

Собственная идея ему нравилась все меньше и меньше. Возникали сомнения, продержится ли он здесь. И, главное, стоит ли оно того?

Дров возле очага не было, валялись только три довольно толстых обломка ольховых стволов – гниловатых и явно сырых. Котла не имелось, зато на полу стояло объемистое корыто из выдолбленного ствола тополя. На дне его благоухали остатки «кислой» рыбы, которыми как раз сейчас лакомился ребенок лет трех-четырёх. Еда для людей и собак именно в этой посуде и варилась – путем забрасывания в воду раскаленных камней. Камни в наличии имелись, на земле валялось подобие большой деревянной ложки с длинной ручкой для их вытаскивания из огня. Митьке предстояло быстренько выполнить совсем простую мужскую работу: наломать и натаскать в жилище дров. Если их запаса снаружи не окажется, то запрячь собак и съездить за ними. Загрузить в корыто снег, поскольку проруби поблизости нет, слазить в балаган и притащить вязку юколы. Костер разжечь, камни нагреть, снег растопить, а потом добавить нового, потому что воды получится мало. Сухую рыбу поломать, в воду побросать и довести все это до кипения. Потом рыбу выловить, сгрузить на плетенки и выставить в жупан, чтобы остыла. Как остынет, можно подавать – людям.

Чтобы горячий «бульон» в корыте зря не пропадал, надо сбегать к яме с «кислой» рыбой, наковырять мерзлой ароматной субстанции, затащить ее в жилище и загрузить в корыто. Добавить туда горячих камней. Как только блюдо упрет, можно звать собак. Все эти манипуляции Митька наблюдал множество раз. И никогда не проделывал сам...

Самое приятное, пожалуй, это то, что заходить в юрту и покидать ее нужно было по бревну с зарубками. Оно стояло, конечно, не вертикально, но... к тому близко. Молодежь по этой лестнице просто взбегала или сбегала, не касаясь бревна руками. У Митьки был детский опыт, да и, будучи взрослым, он немало прожил в камчадалских юртах, однако квалификация по части лазания у него все-таки была не та. Это вскоре сказалось – он свалился с лестницы, спускаясь в жилище с охапкой юколы.

К тому времени весть о появлении «жениха» уже распространилась по острогу, и у множества соседской публики, особенно женского пола, появились срочные дела в юрте Галгала. Всем хотелось посмотреть, как трудится новичок. «Жених» не обманул ожиданий – его полет с полутораметровой высоты вызвал бурю веселья, шуток и комментариев. Прежний Митька мигом положил бы этому конец, а вот Коско... Коско поднялся с земли и стал собирать рыбу, разлетевшуюся по всей юрте. Потом он заметил, что облепленные снегом поленья попали в костер и огонь вот-вот погаснет. Коско бросил собирать рыбу и кинулся спасать огонь, но, как назло, приличной растопки рядом не оказалось. А народ веселился вовсю... В основном, конечно, дети и женщины. Мужчины занимались своими делами и сдержанно улыбались – двое со страшной скоростью работали челноками и планками – вязали сети, третий подстрегивал и пытался гнуть копылья для нарты, четвертый переплетал

ремешками овальный обод из толстого ивового прута – чинил снегоступы. Стоя на четвереньках и раздувая еле живые угольки, Митька подумал, что ведет себя неправильно: «Надо бы отшутиться, посмеяться вместе со всеми над собственной неловкостью. Но сначала мне было очень обидно, а теперь, наверное, веселиться поздно...»

– Ну, чего разорались?! – раздался за спиной хрипловатый голос. – А ну, заткнитесь, дуры безмозглые! Ишь растопырились... Малышня, кыш отсюда! Быстро на место, а то жрать не дам!

Глаза у Митьки слезились от дыма, и он не сразу разглядел, кто это за него вступился и даже собирает рассыпанную юколу. Голос мог принадлежать и мужчине, и женщине, но использованные непередаваемые ругательства были из чисто женского лексикона. Когда Митька наконец проморгался, увиденное мало что ему объяснило: человек был невысокого роста, не очень широкоплечий, одет в просторную кухлянку до середины голени, причем «хвоста» – женского украшения – сзади не имелось. Торбаза на ногах самые простые – без вышивки, а вот на голове... Черные, как у всех, волосы заплетены в мелкие косички, которые концами соединены в одну косу. Коса довольно короткая, заплетена небрежно и без всяких украшений. Лицо безусое и безбородое, но лишенное миловидной женской округлости. «Кояхчич!» – подумал служилый и совсем расстроился.

Дело в том, что ительмены понятия не имели о какой-либо стыдливости. Соития мужчин и женщин ни от кого не скрывались, в том числе и от их собственных детей. Естественно, подрастающая молодежь старалась подражать старшим по мере возможности. Если детские игры на эту тему были гетеросексуальны, родители их поощряли, а если гомосексуальны – порицали и запрещали. Однако родительская власть у ительменов довольно слаба, некоторым юнцам по вкусу приходилась пассивная роль. Иногда это с возрастом проходило, а часто сохранялось на всю жизнь, и никто таких людей «плохими» не считал. Правда, они должны были носить женскую одежду, исполнять женские обязанности и работы – в общем, вести себя как настоящие женщины. Таких кояхов, или кояхчичей, в ительменских острожках, не затронутых христианизацией, было довольно много. Многие мужчины, помимо нормальных жен, имели и таких «подруг», причем первые обычно ничего не имели против вторых. А вот Митька – имел, поскольку был хоть и плохоньким, но христианином.

– А я знаю! – радостно завизжала Афака. – Я знаю, кого он собрался хватать – мать всех детей!

– О-о, какой смелый! О, какой сильный! – подхватила Ачек. – Кымхачь ему ни за что не дастся!

Собравшиеся начали весело обсуждать выдвинутую гипотезу, а Митька вздохнул облегченно. Его обостренная бесписьменностью память тут же вытолкнула на поверхность прозвучавшее имя: «Слава богу, это не мужик, это, кажется, старшая дочь Галгала. Вроде бы от первой жены... Вроде бы незамужняя... Никогда раньше не обращал на нее внимания. А, собственно, почему бы и нет?»

Улучив момент, он благодарно улыбнулся женщине. Она, однако, не отреагировала, а, собрав юколу, свалила ее возле очага. После этого, не обращая внимания на публику, принялась бегать по юрте и ловить какого-то шустрого пацаненка, у которого рукав парки болтался на одной ниточке. Ребенка Кымхачь отловила, шлепнула по попе и стянула с него порванную одежду. Тот принялся реветь и жаловаться окружающим, а женщина занялась шитьем. Митька же благополучно развел костер и стал греть камни.

В конце концов опану он сварил. Это послужило достаточным поводом для совместной трапезы, поскольку в ительменских семьях обычно каждый ест когда ему вздумается. Митька не особенно любил большие компании, но в своей прежней жизни мог без особых усилий в них вписываться, становиться «своим» и даже лидировать в застолье. Однако сейчас на него напал какой-то ступор, легкость общения все никак не приходила, хотя языковой

проблемы и не было. Он отмалчивался или немногословно отвечал на вопросы и подначки. Исполняя обязанности официанта, он заметил, что Кымхачь сидит в сторонке и развлекается тем, что кормит двух малышей – вытаскивает из кусков рыбы кости, разжевывает мясо и запикивает его детишкам в рот, чему те весьма радуются. Третий, постарше, стоит рядом и выпрашивает такую же жвачку, но не получает, поскольку уже большой и вполне может жевать сам. Кажется, дети были не ее...

Ительмены имеют благородную привычку есть до тех пор, пока еда не кончится, сколько бы ее ни было. На сей раз им помешали: какая-то женщина крикнула снаружи во входное отверстие, что, мол, вы тут сидите, а там Саакшон рождает! И стар и млад обоего пола очень обрадовались этому известию и валом повалили из юрты наружу – занимать зрительские места. Что поделать, у этого народа роды ребенка обычно происходят публично, а потом каждый норовит подержать новорожденного в руках и посюсюкаться с ним. Минут через пять в юрте остались только Митька, Кымхачь да несколько малышей, брошенных своими родителями. Не зная, что сказать, служилый принялся рассматривать женщину. Она заметила это и вздохнула:

– Что уставился, русский? Язык проглотил?

– Да я не очень русский... – промямлил Митька.

– Знаю. Зачем ты все это затеял?

– Ну, если я скажу, что ради тебя...

– То я тебе не поверю, – усмехнулась женщина. – Попробуй сказать правду!

– Правду? – призадумался Митька. – А что, и попробую. Мне надо прожить где-то до лета. Подальше от русских. Сюда они, наверное, уже не вернутся.

– «Женихом» ты не проживешь, – покачала головой потенциальная невеста. – Потому что ничего не умеешь.

– Обидеть хочешь, да? – слабо возмутился Митька.

– Да ладно, – улыбнулась Кымхачь, – умеешь, конечно. Но плохо. Наверное, с матерью жил, когда маленький был?

– Жил... Как ты догадалась?!

– Да видно же.

– А почему тебя называли «мать всех детей»? – заинтересовался служилый.

– Девкам лень со своими детьми возиться, а мне нравится, – просто объяснила Кымхачь.

– Почему же ты не замужем?

– Ты забыл добавить: в твои-то годы? – невесело усмехнулась женщина. – Так уж получилось. Сначала не давалась хватать, а потом не стало желающих. Что еще ты спросишь? Почему у меня нет своих детей, да?

Митька действительно хотел это спросить, поскольку прекрасно знал, что у камчадалов внебрачные дети отнюдь не порицаются. Ительменки в большинстве случаев рожают легко, беременность и роды в дальнейшем почти не сказываются на их фигуре. Другое дело, что отнюдь не все женщины, даже замужние, желают заводить детей и знают массу способов от них избавляться.

– Я думаю, ты сама потом об этом расскажешь. Слушай, а почему бы тебе и правда не стать моей женой?

– Твоей-то? – как-то буднично переспросила женщина. – Да, собственно, можно и стать.

– Тогда сейчас схвачу, – пригрозил Митька. – Держись!

– Что держать-то? Штаны? – усмехнулась Кымхачь. – Да пожалуйста! Только ты бы сначала подумал – дней несколько. Мы ведь не по русскому обычаю живем.

– Что ж, ты права, наверное... – согласился служилый. – Да и нехорошо, наверное, чтобы женщина в первый же день соглашалась.

– Нехорошо, конечно. А на Афаку и Ачек не обижайся – они не злые, просто кровь у них сильно горячая, ненасытные они.

– Я и не обижаюсь, – улыбнулся Митька.

* * *

Новоявленный ительмен Коско пережил день первый, потом второй, третий... И пришел к выводу, что ничего страшного в этом нет. После того предсмертного видения, после «встречи» с Дмитрием, ему оказалось совсем не трудно отключиться от своего казачьего прошлого, перестать ощущать себя хозяином и рабовладельцем. Правда, он начал содрогаться от запаха «кислой» рыбы и просто чудовищной антисанитарии вокруг. Кроме того, по сравнению с обществом служилых и русских обывателей, у ительменов был чрезвычайно низок уровень агрессивности друг к другу. Здесь никто не пытался самоутвердиться за счет других, зато норовил получить побольше самых незатейливых удовольствий – от еды, от половых контактов, от рассказывания смешных баек, пения песенок.

Неформальный дружественный союз с Кымхачь принес Митьке немалую пользу. Над ним, конечно, продолжали шутить и посмеиваться, но вполне беззлобно. Видя неловкость «жениха» в кухонных делах, его постепенно от них освободили, переключив на другие занятия. В частности, в острожке была извечная проблема с дровами. Их никто не запасал, поскольку это трудно и скучно, а юколу вполне можно жевать такой, какая она есть. Вот Митьку дровами и озаботили, даже топор ему выдали.

Железный инструмент, купленный дорогой ценой, оказался к работе непригоден. Судя по всему, при рубке кедрового и ольхового стланика его лезвием много раз тюкали по камням – обычное дело в небрежных руках. Значит, сначала его надо было хоть как-то наточить. Делать это Митька умел, но требовалось точило – более или менее твердый камень с относительно ровной шершавой поверхностью. Всевозможных камней на реке, конечно, полно, но... летом, а зимой кругом только снег и лед. Пришлось подбирать что-то подходящее в очагах – своем и соседских. В общем, с топором Митька провозился целый день, прихватив и часть ночи. На другой день он отправился к ближайшим зарослям ольхи и быстро убедился, что лез сюда по снегу он совершенно напрасно – сушняка здесь не было вовсе, а все сырые стволы приличной толщины давно срублены или обломаны. Тогда Митька решил подойти к проблеме радикально – отправиться в нормальный лес, до которого от острожка было километра три. С собаками и нартой проблем не возникло, поскольку они у него были свои, а вот исправных снегоступов не нашлось и пришлось чинить поломанные. Потом выяснилось, что со времени последнего снегопада никто в ту сторону не ездил, так что для собак надо «топтать лыжную». В общем, пустяковое мероприятие вылилось в целую кучу хлопот. Причем те, для кого он старался, смотрели на него скорее с удивлением, чем с одобрением – дескать, вполне мог бы просто наломать веток в ближайших кустах. Они, конечно, будут гореть плохо, а дымить хорошо, но тут уж ничего не поделаешь...

Тополя и лиственницы на высокой террасе росли роскошные, однако снега под ними было больше, чем на открытом месте. Митька решил заготавливать лишь сухостой, но быстро убедился, что никаких сил на это не хватит. Пришлось рубить все подряд. Ветки он навалил на нарту, а тонкие стволы связал верхушками и прицепил к санкам сзади. Потом, помогая собакам, потащил все это к юрте. Результат трудов его вдохновил – до темноты он решил сделать еще одну ходку. Поскольку «колея» была уже проложена, до леса он добрался довольно быстро. Забираться в глубину вместе с упряжкой ему не хотелось, и он оставил ее на прежнем месте, а сам побрел вперед.

Собачий гомон уже затих за спиной, а ничего подходящего для порубки не попадалось. Митька, мысленно матюкнувшись, хотел уже повернуть назад, как заметил, что на него смотрят. Черные глазки-бусинки на заостренной мордочке, большие треугольные ушки... Соболь!

Прожив всю жизнь на Камчатке, Митька никогда не видел живого соболя вблизи, поскольку русские охотой здесь не занимались – на то есть ительмены. «Воротовой, – привычно оценил масть шкурки служилый. – Хотя нет, пожалуй, головка!» Он сделал несколько шагов в сторону зверька, тот неторопливо повернулся и спокойными, ровными прыжками двинулся прочь. «Вот те на-а-а... – почесал Митька затылок под шапкой. – Считаю, рядом с острожкой соболей бегают! Такой на два рубля, пожалуй, потянет! И непуганый вроде. Ну-ка, ну-ка...» Он подошел к тому месту, где стоял зверек, и стал рассматривать следы, стараясь запомнить их форму. Они были довольно четкими и совсем не глубокими – соболей почти не проваливался в снег.

Звериными следами на снегу Митька никогда не интересовался, поскольку ему это было совершенно ни к чему. Сейчас он с удивлением вспомнил, что отпечатки таких вот лапок встречал возле дальних балаганов с юколой, в кустах, где он сначала хотел разжиться дровами, да и тут – близ опушки леса – бродя с топором в руках, он не раз пересекал цепочки таких следов. Все это навело Митьку на мысль, которую он решил отложить на потом, а сейчас снова сосредоточился на заготовке дров.

Вечером в юрте он рассказал мужчинам, что видел живого соболя и много свежих следов. Ни у кого эта информация интереса не вызвала: ну да, соболей бегают здесь и там, иногда пытаются воровать юколу из балаганов. Раньше их было больше. Летом их гоняют собаки, которые бродят свободно, а зимой собак держат на привязи, вот они и нагледят.

– А почему бы их не отловить? – задал наивный вопрос неопит.

– Зачем? – удивились ительменские промысловики. – Ясак уплачен, русские уехали и вернутся не скоро.

– Но за шкурки можно получить полезные вещи или вкусную еду! В конце концов, у вас у всех есть долги!

– Есть, конечно... – погрустнили мужчины. – Но ведь никто не требует уплаты прямо сейчас! И завтра, наверное, не потребует... Так зачем же портить себе жизнь? У нас есть еда, одежда и женщины. Что еще нужно нормальному человеку для полного счастья? Ну, еще, конечно, собаки нужны...

Такой подход к делу не был новостью для служилого Митьки. Казаки прекрасно знали, что камчадалы – заядлые лентяи, что без мордобития, без батога и правежа работать они не будут. Теперь ительмен Коско смотрел на проблему с другой стороны. Смотрел и не находил, что возразить: «Русские живут ради будущего – служат, работают, воюют, копят богатство. Кто-то желает сделать свое будущее благополучным, кто-то стремится хотя бы избежать грядущих неприятностей. А ительмены будущего не боятся и желают радоваться жизни здесь и сейчас. Если потом будет плохо, то в запасе всегда есть последняя радость – самоубийство. Так кто же прав? Какой меркой измерить тех и других?»

– Ладно, – сказал Коско, – я бы половил соболей, если получится. На них я куплю Кымхачь русскую одежду, красные ленты и много бисера.

– Лови, – пожали плечами мужчины. – Лови, если тебе так нейдет. Может быть, в новой одежде она станет красавицей.

– А обмет дадите?

– Бери, но, если порвешь, сам чинить будешь!

– Конечно, почию!

Митька не только никогда сам не охотился, но даже не видел, как это делается. Однако рассказов об охоте он наслушался вволю и всю процедуру представлял прекрасно. Каждый

соболь живет в лесу на определенной территории. На ней бывает устроено несколько гнезд-убежищ – между камней, под выворотнями, в дуплах. Охотник приходит в лес, находит по следам такое убежище, извлекает оттуда соболя и убивает его – палкой по голове. Если зверек залезет на дерево, то надо вокруг поставить сеть-обмет и ждать, когда он спустится вниз, поскольку прыгать с дерева на дерево не умеет. Можно, конечно, и не ждать, а просто срубить дерево. Если соболь спрячется в дупло, то следует разжечь костер и его выкурить. В хозяйстве ительменов имелись луки, некоторые мужчины даже умели неплохо из них стрелять, но Митька не слышал, чтобы стрелы использовались на такой охоте.

Погода стояла пасмурная, но безветренная, было не очень холодно, и Митька решил всерьез заняться промыслом. Галгал, как глава семейства, против этого не возражал, а Кымхачь – тем более. Четыре дня подряд, наскоро перекусив утром, Митька запрягал собак и отправлялся в ближайший лес. Там он месил снег снегоступами в разных направлениях и изображал следопыта. При всей своей неопытности за эти дни одного соболя он все-таки добыл! Правда, зверек оказался не очень крупным и светлой масти. Зато те два, которых он упустил в последний момент, были чудо как хороши! Или, во всяком случае, гораздо лучше...

Главный вывод, который Митька сделал из этих упражнений, заключался в том, что бродить по лесу ему нравится, пожалуй, больше, чем хлопотать по хозяйству в переполненной юрте. Из рассказов мужчин он узнал, что больше всего соболей водится в урочище, расположенном очень далеко. До него даже по хорошему снегу надо ехать целый день. Поэтому туда почти никто и не ездит – спать без жены ительмены не любят, а брать с собой семью слишком хлопотно. Разведав все это, Митька отправился в поход – корысти ради и во славу своей «возлюбленной».

Через неделю он вернулся – с распухшим, обмороженным ухом и... четырьмя соболями! Правда, одному из них он в процессе убиения слегка попортил шкурку. Тем не менее все дружно признали его чуть ли не лучшим соболятником острога!

Решив, что он уже достаточно самоутвердился, Митька произвел «хватание» своей невесты. Мероприятие прошло вполне благополучно – его даже не били.

* * *

Весна накатывалась медленно, но неуклонно. Народ этому тихо радовался и жевал юколу, поскольку всякие растительные вкусности давно кончились. Впрочем, казаки забрали почти весь запас корешков, орехов, кипрея, сладкой травы и ягод. Ловить соболей Митька больше не мог, поскольку мех у них начал портиться. Пришлось вновь заниматься хозяйственными делами. Однажды он забрался в ближайший балаган и обнаружил там вместо рыбы только труху на полу, перемешанную с замерзшими опарышами. Это навело его на грустные мысли, и он провел ревизию острожковых запасов продовольствия. Подозрение полностью подтвердилось – запасы на исходе. В том смысле, что до первой зелени, до свежей рыбы ждать еще месяца два, а еды хватит от силы на месяц. «Ну да, – печально усмехнулся служилый, – знакомая песня. Чего-то там экономить, вводить пайки никому и в голову не приходит. Как ели, так и едят, пока не кончится все. А тогда перейдут на древесную кору, ремни, мешки и подметки для обуви. Весенняя голодовка у ительменов – дело обычное, можно сказать нормальное. И не от недостатка рыбы, а от беззаботности. Наши казаки в этом смысле тоже хороши, но не до такой же степени! И что, я должен голодать вместе со всеми? Они-то на коре могут долго продержаться, она у них вместо хлеба, а мне, пожалуй, слабо – пробовал когда-то. Что же можно придумать в такой ситуации? Уехать, пока собаки не отощали? Было бы куда...»

Размышляя на эту тему, Митька припомнил, что, лазая в дальнем лесу, он наткнулся на некий объект, который мог быть только медвежьей берлогой. А медведь, как известно, зверь большой и вкусный, в нем много мяса и жира. Ну, к весне, наверное, жира уже не очень много, но все-таки! Не имея охотничьего опыта и огнестрельного оружия, в одиночку идти на медведя совсем не хотелось. Среди русских бытовало множество анекдотов о том, как ительмены добывают этих животных, вплоть до пихания бревен в берлогу, пока хозяину там не останется места. Как это делается на самом деле, Митька не знал, но думал, что проще всего медведя разбудить, а когда вылезет из берлоги, расстрелять из луков.

Как выяснилось, в целом он не ошибся, но у мужчин идея коллективной охоты энтузиазма не вызвала. Надо готовить оружие, потом ехать в несусветную даль, рисковать жизнью – и все ради чего? Еда-то пока есть! Митька пытался объяснить, что когда начнется голод, будет уже не до охоты – набрать бы коры. Да и собак перестанут кормить раньше, чем людей, так что на них никуда уже не съездишь. Однако тут действовала другая логика...

Тогда Митька затосковал по нормальной русской фузее – тяжелой, неуклюжей, с кремневым замком, с гладким стволом, в который закладывается свинцовая пуля грамм тридцать весом. К немалому его удивлению, оказалось, что ружье и боеприпасы достать в принципе можно. Все это имеется у некоего Иворета, который живет на соседней речке. Где он раздобыл оружие и зачем оно ему, никто объяснить не мог. Однако Митькины информаторы дружно сошлись на том, что хозяин ни за что не продаст ценную реликвию и ни на что ее не сменяет. Можно, правда, с ним «подружиться» и забрать оружие просто так.

Ительменский обряд заключения дружбы Митьке был хорошо знаком по рассказам. Вместе с будущим другом хозяин закрывался в юрте, удалив из нее все прочее население. Раздевшись почти догола, он начинал жечь костер, варить еду и кормить гостя, пока тот не заблует всю юрту. При этом на раскаленные камни льется вода – для создания тепла. В общем, получается сочетание русской парилки с ительменским обжорством. Когда гостю станет совсем невмоготу, он предложит хозяину то, что имеет – собак, нарту, одежду. Все хорошее будет отобрано, а взамен выдано что похуже. Затем должен последовать ответный визит с такими же развлечениями и острыми ощущениями. После этого дружба считается заключенной и каждый может брать у «друга» все, что ему понравится, без возврата.

Проходить через подобные испытания Митьке совершенно не хотелось, особенно в условиях дефицита продовольствия. Своими сомнениями он поделился с Кымхачь. И нашел родственную душу! Похоже, «мать всех детей» в острожке была единственной, кого беспокоила предстоящая голодовка. Правда, никаких способов борьбы с ней она не видела, но к идее добыть медведя отнеслась благосклонно. Если муж считает, что нужно обзавестись русским ружьем, можно попытаться помочь: давай съездим к этому Иворету, тем более что у меня там родственники. Показать им мужа – вполне приличный повод для посещения!

Поездка состоялась, и Митька должен был признать, что путешествовать с Кымхачь приятнее, чем в одиночку. Она вполне уверенно могла запрячь и распрячь собак, соорудить подобие полога для ночлега и развести костер на снегу, чего камчадалы в пути обычно не делают. А ее помощь при нахождении в гостях оказалась просто неоценимой.

Со старейшиной острожка Митька долго болтал о жизни и в конце концов спровоцировал его похвастаться своими богатствами. Среди них действительно оказалась фузеея русского производства, правда, не с кремневым замком, а с фитильным, но это было еще и лучше, поскольку в нем почти нечему ломаться. В деревянной пороховнице, обтянутой кожей, сохранилось некоторое количество пороха, которого должно было хватить на несколько выстрелов. В кожаном мешочке перекатывалось пять пуль, которые, возможно, были нужного калибра. Все эти бесполезные ценности Иворет у кого-то забрал «по дружбе», а тот – еще у кого-то. Первоначальным владельцем, вероятно, был какой-нибудь казак. Вовсе не обязательно его убили ительмены, он вполне мог самостоятельно замерзнуть где-нибудь

в пути. Впрочем, ительмену в любом случае не поздоровилось бы, проведая русские о наличии у него ружья. И это оружие Митька заполучил!

Идею подсказала Кымхачь. У ительменов женщина, ставшая вдовой, вновь может обзавестись мужем, но предварительно с ней должен переспать кто-нибудь другой – снять с нее «грех». Иначе новый муж рискует вскоре умереть по примеру предыдущего. Русский владелец ружья умер, и с тех пор никто из оружия не стрелял, не убивал, то есть не использовал его по назначению. Поэтому данный предмет может быть опасным для нового хозяина. А вот Коско готов снять «грех» с волшебного русского предмета, причем совершенно бесплатно! А потом он его вернет.

В острожке Иворета Митька успел кое-как отчистить оружие от ржавчины. Ржавчины было так много, что снаряд мог, наверное, при выстреле застрять в стволе – со всеми вытекающими последствиями. Так или иначе, но проводить испытания на месте Митька не решился, только свил из мягкой травы жгут, который сможет заменить отсутствующий фитиль.

На обратном пути, проезжая через перевал, Митька увидел довольно обычную в здешних местах картину: на далеком склоне, обдутом ветром, копытило снег небольшое стадо оленей. Дикие северные олени не были редкостью в предгорьях Камчатки, однако на них почти не охотились. У камчадалов просто не было такой традиции, а русские себя этим не утруждали. Кроме того, порох и свинец были настолько дороги, что покупать их ради охоты никому не приходило в голову, а для военных действий использовалось казенное «огненное зелье».

Оружие необходимо было проверить, но истратить заряд впустую Митька не мог – в силу своего казачьего воспитания. Поэтому он решил использовать подвернувшийся случай. Остановил упряжку, привязал собак и стал заряжать фузею, как учил когда-то отец. Правда, забивать пыжи изо всех сил не решился...

Потом надел снегоступы, взвалил ружье на плечо и побрел в нужную сторону. Для начала пришлось преодолеть овраг, где он увяз вместе со снегоступами почти по пояс. Потом стало легче, но тут Митька сообразил, что забыл чуть ли не самое главное. Вернулся к кустам и вырезал две длинные рогульки – для упора. Потом Митька подумал-подумал и вырезал третью – на всякий случай. Обе руки теперь оказались заняты, кисти начали мерзнуть...

Ветер дул откуда-то сбоку, так что вряд ли олени почуяли человека издалека. Скорее всего, они его просто увидели, поскольку спрятаться было негде. Подняв рогатые головы, животные долго всматривались в его сторону, но постепенно вернулись к своим делам. Метрах в пятистах Митька остановился, кое-как отдышался и, повернувшись спиной к ветру, принялся высекать огонь. В дальнейшем охотник смотрел уже не столько на потенциальную добычу, сколько на крохотный огонек самодельного фитиля, который все норовил погаснуть.

В конце концов олени начали проявлять беспокойство и постепенно смещаться в сторону. Охотник решил, что дальше будет только хуже. Самую длинную рогульку он воткнул в снег, подпер ее двумя другими и получил довольно устойчивую треногу. На нее он водрузил ствол, достал пороховницу, выдернул зубами пробку и сыпанул порошу на полку. Пороховницу закрыл, убрал, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и начал целиться в ближайшего зверя. Никакой мушки на стволе, конечно, не имелось.

По ходу дела он вспомнил наставления людей опытных: на ногах нужно стоять твердо, а приклад плотно прижимать к плечу. Митька встал поудобней, приклад прижал, как учили, и, когда олений бок оказался строго на одной линии со стволом, потянул на себя крюк. Фитиль ткнулся горящим концом в порох на полке. Сразу же пыхнуло и бабахнуло.

На ногах Митька устоял, но на какое-то время оглох, ослеп и вообще оказался в нокдауне. Прозрел он довольно быстро, но в ушах продолжало звенеть, а правая рука как бы отнялась. Митька пощупал правую ключицу и пришел к выводу, что она скорее цела, чем

сломана. Он облегченно вздохнул и обратил взор на поле боя. Олень лежал на боку и признаков жизни не подавал, а снег за ним был забрызган кровью. Его сородичи разбегаться не собирались, они только отошли чуть в сторону. Впору было снова заряжать ружье и стрелять еще в кого-нибудь. Митька, однако, пошевелил отбитым плечом и решил, что на второй подвиг его, пожалуй, не хватит.

Как оказалось, пуля пробила оленя насквозь, изнутри попала в лопаточную кость и почти оторвала переднюю левую ногу. Митька уселся на шерстистый олений бок, набил табаком трубку и прикурил от фитиля своей пушки. «Олень в общем-то небольшой. Наверное, без потрохов его можно утащить даже в одиночку. Но кишки бросать жалко – их можно скормить собакам. Так что же дешевле: подогнать сюда упряжку или два раза сходить самому с грузом?»

Гнать упряжку на склон через кусты и овраги Митька не решился. Добычу он перетаскивал сам, тремя ходками. Хотел привлечь к этому делу и Кымхачь, но отказался от этой идеи: собак так взволновал запах свежего мяса и крови, что они были готовы сорваться с любой привязи, как только люди отойдут подальше.

Измученный, с огромным синяком на плече, Митька долго размышлял о том, стоит ли игра свеч. Особенно с учетом стоимости свинца и пороха. В хороший сезон за день, не напрягаясь, можно наловить рыбы по весу гораздо больше, чем этот олень.

В связи с неожиданной добычей в ительменском острожке, конечно, был праздник. В ходе этого мероприятия оленя съели всего, включая голову и костный мозг. Съели, по сути дела, в один присест, а уже на другой день жители опять принялись за ивовую кору и юколу.

Кое-какой прок от охоты все-таки был – людям понравилось веселиться и есть мясо вместо надоевшей юколы, сушеной икры и коры. Теперь ительмены сами вспомнили про медвежью берлогу и выразили желание организовать охоту. Митьке пришлось согласиться, хотя это его уже не радовало. А как только он согласился и начал собираться, так команда энтузиастов стала уменьшаться: в последний момент у кого-то оказалась сломанной нарта, кто-то приболел, а кому-то просто расхотелось. В общем, вместо десятка лучников компанию Митьке составили только Галгал, его сын и тесть, вооруженные копьями.

Берлога оказалась на месте, и медведь, похоже, никуда не делся. Охотники утоптали вокруг снег, чтоб удобнее было разбегаться. Митька оборудовал себе стрелковую позицию рядом с деревом, на которое рассчитывал быстро залезть в случае неудачи. Вообще-то он не мог припомнить рассказов, чтобы медведь убил человека насмерть, но хозяин леса пользовался уважением и среди русских, и среди ительменов.

Процесс охоты заключался в следующем: Митька стоял метрах в десяти с фузеей наготове, а его соучастники тыкали длинными палками в дыхательное отверстие берлоги и бросались наутек при малейшем признаке какого-то шевеления. Продолжалось это довольно долго, и главный охотник успел изрядно замерзнуть. Наконец под снегом что-то зашевелилось. Вылезать медведю, судя по всему, отчаянно не хотелось, но люди были настойчивы. В конце концов он выбрался наружу и оказался в общем-то не очень большим и страшным, скорее беспомощным и жалким, толком не проснувшимся после многомесячного сна. Кидаться он ни на кого не собирался, поскольку не мог понять, что вокруг происходит и зачем его беспокоят. Оставаясь в этом недоумении, он и получил тяжелую свинцовую пулю прямо в бок. Зверь не умер на месте, а кинулся бежать, не разбирая дороги, куда-то в сторону. Некоторое время спустя ительмены с копьями наготове отправились по кровавому следу. Контуженый Митька тащился сзади, кряхтел и размышлял о том, стоит ли еще раз заряжать фузею. Решил все-таки не заряжать, поскольку пороху осталось совсем мало.

Медведя нашли часа через два. Он умудрился забраться в совершенно непролазные кусты. Неизвестно, успел ли зверь умереть до прихода людей или нет, но Галгал, как самый

старый и опытный, сумел к нему подобраться и добить копьем. Таким образом глава семьи сделался и главным добытчиком. Митька, конечно, слегка обиделся, но спорить не стал.

Потом начались сплошные мучения. Медведя надо было из кустов вытащить, доволочь до нарты и перевезти в острожек. Митькино предложение разделать тушу и транспортировать по частям было отвергнуто как совершенно непристойное. Хорошо, что зверь не был крупным и на санки поместился. Правда, каюру пришлось идти пешком и при этом непрерывно воевать с собаками – такой груз им совершенно не нравился. Самого молодого участника охоты отправили налегке вперед – оповестить сородичей и созвать гостей.

Этих гостей собралось немало – приехали все друзья, вся ближняя и дальняя родня из соседних селений вместе с детьми и женщинами. Митька от души порадовался, что не стал главным героем праздника – лишняя слава и известность ему были совершенно ни к чему. Гости набились в юрту, туда же затащили несчастного медведя. Хозяин кое-как распределил гостей вдоль стен, после чего облачился (точнее, разоблачился) в мужской ительменский наряд, предназначенный для торжественных приемов. Наряд представлял собой чехольчик, надетый на пенис, и полное отсутствие всего остального.

После этого Галгал повелел помощникам развести огонь в очаге и повесить на него два медных котла с водой. Котлы в его хозяйстве раньше не использовались – то ли их берегли для торжественного случая, то ли их привез кто-то из гостей. Пока мужчины возились с костром и набивали котлы снегом, хозяин обратился к наиболее солидным из приехавших с просьбой помочь ему снять с медведя шкуру. Эта торжественная операция была проделана здесь же, на небольшом свободном пространстве внутри юрты. Потом опять-таки гости стали срезать с туши сало, стараясь, чтобы получились полосы подлиннее. Эти «ремни» загружали в котлы. Затем очередь дошла и до мяса. В конце процедуры с груди внутренностей, вываленных на изнанку шкуры, собрали нутряной жир.

Те, кто не смог приобщиться к мясу и жиру, развлекались как могли. Старики, чинно сложив на коленях руки, вели беседы, молодежь начала шумную пляску, к которой постепенно присоединялось все больше народу. В конце концов вода в котлах закипела – кушанье было готово. Народ быстро уgomонился и начал вновь распределяться вдоль стен. Галгал выловил длинную полосу сала и начал обходить всех присутствующих, не пропуская детей. Каждому он говорил ритуальную фразу и, получив ответ, вкладывал сало в рот гостя, отрезал кусок возле губ и ждал, когда тот проглотит. После этого он наделял следующего. Когда все были одарены салом, начался дележ мяса. Порции все получали строго одинаковые, вне зависимости от пола и возраста, включая маленьких детей. Опустошенные котлы наполнялись заново.

Когда наконец пиршество было закончено, хозяин выставил на всеобщее обозрение голову медведя. Присутствующие принялись украшать ее гирляндами из травы и одаривать всякими безделушками. В заключение Галгал произнес длинную речь, в которой уверял медведя в том, что присутствующие не имеют отношения к его умерщвлению – это все злые русские. Мы же, хорошие ительмены, отнеслись к тебе со всем почтением и устроили в твою честь веселый праздник. Пусть твои сородичи знают об этом и впредь безбоязненно приходят к нам в гости.

После завершения ритуальных действий настал черед песен и танцев, которым не было конца.

Вся эта толкотня и суета Митьке быстро надоела, но деваться было некуда. Он, как и все, хватил приличную дозу полусырого медвежьего жира и мяса. После этого ительмены, включая многих стариков, до утра азартно отплясывали посреди юрты, а он мог только сидеть, привалившись к стенке, даже встать на ноги ему было трудно.

Новое восприятие мира, вторая «душа» чуть не сыграли с Митькой злую шутку в самом начале трапезы. У него создалось впечатление, что его «двойник» Дмитрий категорически

против употребления медвежьего мяса. И дело тут не в брезгливости – просто он считает его смертельно опасным.

С практической точки зрения никакой пользы медвежий праздник жителям острожка не принес. Далеко не все гости приехали с запасом корма для своих собак. По правилам местного этикета их должны кормить хозяева, да еще и дать запас в дорогу, если ехать далеко. Тем не менее, с точки зрения ительменов, все прошло замечательно – будет что вспомнить в трудные времена! Иворет тоже приехал в гости, и Митька вернул ему фузею с остатками боеприпасов. Хозяин оружия прекрасно знал, как оно было использовано, но не попросил научить его стрелять...

В ожидании весны Митька нашел себе подходящее занятие – изготовление бата. При наличии железного инструмента – топорика с поперечным лезвием – работа оказалась несложной, но требующей аккуратности и точности. Собственно говоря, все самое трудное было уже сделано раньше – подходящий тополь найден, срублен и доставлен в поселок. Кто-то уже начал выдалбливать верх бортов, но потом бросил это дело, а Митька теперь продолжил. Впрочем, что-то долбить почти не требовалось. Нужно было подрубать древесные волокна возле кормы или носа и отслаивать их по длине, снимая древесину слой за слоем, пока не останется только внешний. Вот этот внешний слой повреждать было ни в коем случае нельзя.

* * *

Основой питания ительменов всегда была рыба – летом свежая, в остальное время сушеная или «квашенная» в ямах. Вечная мерзлота, в которой можно было бы делать погреба-холодильники, здесь отсутствовала, соли не имелось. На зиму в больших количествах заготавливались растительные продукты, однако с появлением русских их доля в питании туземцев сильно сократилась, поскольку пришельцы оказались большими охотниками до корешков, орешков, сладкой травы и кипрея. Основные запасы у ительменов тем или другим способом отбирались, как они сами отбирали у мышей запасы корешков сараны. Оставалась в основном рыба... И лакомством, и повседневным блюдом являлась также сушеная красная икра. Этот белковый концентрат обычно заедался мелко порубленной заболонью – относительно мягкой подложкой березовой или ивовой коры. По мере оскудения запасов в пищу шло все меньше икры и рыбы, а коры – все больше. Митька тоже ходил за корой, крошил ее и жевал, благо зубы его не уступали в крепости зубам чистокровных ительменов.

Ходить за корой приходилось все дальше и дальше, а сил у людей оставалось все меньше и меньше... Но весна все-таки наступила!

Первая зелень шла в пищу практически вся, за исключением откровенно ядовитых растений. Оттаявшую землю ковыряли костями и палками, выкапывая корешки, которыми пренебрегли осенью. Только все это не давало сытости – люди ждали рыбу. Лед сошел, но воды в реке оставалось много больше нормы, она была мутной и несла огромное количество мусора. Самые нетерпеливые из мужчин пытались ставить сети в заводях, где течение было не таким быстрым. Они потом горько жалели об этом – мусора набивалось столько, что сети впору было выбрасывать и вязать новые. Их, конечно, не выбрасывали, а долго и упорно вычищали и распутывали.

В земляных юртах стало сыро и неуютно. Люди начали перебираться в балаганы – травяные шалаши, высоко поднятые на сваях.

В конце концов вода спала и очистилась. Во всех подходящих местах были поставлены сети с поплавками из бересты. И вот настал-таки долгожданный день – первая чавыча была торжественно съедена всем населением острожка. На другой день попало сразу три рыбины, потом две, потом пять...

Голод отступал, люди вновь начали радоваться жизни. Однако до праздничного обжорства дело все никак не доходило – рыбы было мало. Впрочем, люди почти не беспокоились – впереди был ход кеты и горбуши.

Примерно к середине лета люди могли уже объедаться рыбой сколько угодно. Это, однако, вовсе не означало, что ее стало много. Много – это когда не видно дна, когда по берегам образуются валы из тухлятины, когда обожравшиеся собаки еле таскают раздутые животы. По времени уже пора было начинать заготовки на зиму, но никто этим не занимался – из-за нескольких десятков рыбин не стоило и заморачиваться. Люди ждали настоящего хода, собаки подбирали объедки, по берегам рек бродили толпы голодных недоумевающих медведей. А рыбы все не было...

В августе установилась солнечная, сухая погода. Люди начали разделывать пойманную рыбу и развешивать на просушку под балаганами. Это время упускать было нельзя – впереди ожидалась беспросветная дожди и туманы. В нормальный год ставные сети приходилось освобождать от рыбы практически непрерывно, иначе они путались и рвались. Сейчас их можно было надолго оставлять без присмотра. Собственно говоря, слабый ход рыбы случался в среднем раз в четыре года. Наверное, сделать зимние запасы можно было и при таком раскладе, но все рыболовецкое хозяйство ительменов было ориентировано на изобилие. Кроме того, надежда на лучшее в их сердцах не умирала, кажется, никогда: нет рыбы сейчас, значит, она пойдет позже – не горбуша, так кета, не кета, так нерка... А ждать этого «лучшего» можно до глубокой осени, ведь разные виды лосося идут на нерест в разное время.

Ительменской беспечностью Митька, увы, не обладал. Однако он быстро понял, что невозможно убедить сородичей не ждать милости от природы, а рассчитывать только на себя. Первобытное мышление не желало отступать от традиций из-за частных обстоятельств. Митькино же мышление стало новым – с примесью представлений из далекого будущего. Согласно этим представлениям, периодические голодовки имели экологический смысл – они поддерживали численность населения на приемлемом для природы уровне. Большинство маленьких детей не переживут зиму, зато потом наступит изобильный год и детская смертность резко снизится. Однако беглому камчатскому служилому понимание всего этого никакой радости не приносило. С этим своим новым мировосприятием Митька не придумал ничего лучше, чем работать самому – сколько хватит сил.

Он рыбачил почти круглые сутки. Обычно на ночь сети в воде не оставляли – как бы ни было мало рыбы, к утру снасть будет погублена. Один мощный зубастый самец кеты, если его не вытащить сразу, способен порвать и запутать несколько метров сети, связанной из слабых крапивных ниток. Вместе с Кымхачь Митька объезжал на бате сети, поставленные в заводях на слабом течении, выбирал и выбрасывал мусор из ячеек, а рыбин глушил палкой и аккуратно выпутывал, стараясь не рвать нитки. Если добычи было много, он подплывал к острожку, разгружал лодку и отправлялся в новый объезд. Чтобы поспать несколько часов, надо было сети снять или доверить их сменщику. Однако среди мужчин желающих поработать в ночную смену не находилось. Женщины соглашались охотно, но им самим никак было не управиться и с лодкой, и с сеткой, и с рыбой. В итоге Митька спал урывками и ловил, ловил, ловил... Возможно, не отдавая себе в этом отчета, он пытался таким образом хоть немного искупить свои былые грехи перед безмятежными «детьми природы».

Наступала осень, уже пора было покидать приютивший его ительменский острожек, а Митька все ловил и ловил рыбу. И вдруг все кончилось...

Дело было под утро или, точнее, совсем ранним утром. Митька подогнал бат к острожковой «пристани» и обнаружил, что его никто не встречает – разделочники спят. Зато собаки сбежались и ждут, чтобы при первой же возможности растащить добычу. Обычно в это время года они вообще не подходят к людям, а сами вылавливают рыбу из реки.

– Все, сил моих больше нет! – сказал Митька жене. – Оставайся тут, а я вытащу сетки и лягу спать!

– Погоди малость, – вздохнула Кымхачь. – Встанут Липаха или Темпте и будут плавать вместо тебя.

– Встанут они, жди!

– Никуда не денутся, толстые задницы! Сейчас разбужу!

– Перестань, мы же пробовали, – махнул рукой Митька. Он почти уже ничего не воображал, буквально засыпая на ходу. – Карауль рыбу, а я поехал за сетками.

Он забрался в скользкий от рыбьей слизи бат, взял шест и тронулся вверх по течению. Под утро на реке стало прохладно, и голый по пояс Митька подумал, что зря оставил на берегу парк.

На сей раз попало только три кетины, и Митька решил все-таки не снимать сети – рыбы совсем мало, он успеет поспать пару часов. К поселку можно было сплавиться по течению, не работая шестом, и он притулился на корме долбленки, подставив лицо лучам восходящего солнца. Зажмурил глаза, а когда вновь открыл их, то обнаружил, что оказался на середине реки и почти уже проехал мимо «пристани». Его тело и мозг работали несогласованно: Митька дернулся, привстал, поскользнулся на рыбьей слизи, попытался выровняться, опять поскользнулся и...

Переворот произошел легко и буднично – раз, и кругом вода! Митька замолотил ногами и руками, в какой-то момент голова его оказалась на поверхности, он попытался глотнуть воздуха, но вместе с ним прихватил воды, закашлялся, опять погрузился...

Спаситься можно было, только уцепившись за бат, – ногами до дна не достать. Поверхность лодки оказалась округлой и скользкой. Митька нащупал руками борт и попытался опереться на него... Однако перевернутый бат не захотел поддержать тонущего – его пропитанная водой древесина обладала нулевой плавучестью.

Митька отчаянным усилием отпихнул от себя лодку и устремился к поверхности. Он и сам не понял, как так получилось – разом гребанул конечностями и... вынырнул!

Руки и ноги работали сами, поддерживая тело вертикально в воде, а голову над поверхностью. Это оказалось совсем не трудно, только сильно мешали штаны. Митька отбросил с глаз свисающие волосы и увидел, что его неуклонно проносит мимо поселка. А на берегу стоят несколько человек и смотрят, как он бултыхается. Еще кто-то сидит на площадке у входа в балаган и тоже любит данную картину.

Естественное желание тонущего – оказаться поближе к берегу. Митька не задумался над тем, как осуществить это желание, он просто ему отдался – заработал ногами и руками. И опять получилось! Он двигался в воде! Причем в нужную сторону, а голова оставалась над поверхностью! Он мог дышать!

Пловца сносило течением, а зрители шли за ним вдоль берега, пока дорогу им не преградило болотце. Митьку пронесло еще метров сто, он проверил ногами глубину и достал до дна – дальше можно было просто идти. Когда воды осталось по колено, несостоявшийся утопленник помахал рукой людям – со мной, мол, все в порядке.

Ледяная вода прояснила мысли, и Митька смог сообразить, что теплая сухая одежда от него никуда не денется, а вот перевернутый бат может унести черт знает куда. Его надо перехватить, срезав по суше изгиб речного русла – где-то здесь должна быть подходящая тропинка.

По этой тропинке Митька и побежал прочь от поселка, чавкая водой в торбахзах. Он весь исцарапался ветками кустов, набил мозоль на правой ноге и согрелся, но успел вовремя – перевернувшийся вверх дном бат тихо дрейфовал прямо посередине реки. Почему-то вопрос «Плыть или не плыть?» перед Митькой не встал. На несколько секунд он озабочился лишь

проблемой «Раздеваться или не надо?». Решил не раздеваться, полез в воду и, когда она стала выше пояса, лег в нее и поплыл к лодке.

Довольно скоро выяснилось, что он, пожалуй, переоценил свои новые способности – заставить двигаться в нужном направлении затопленное плавсредство оказалось довольно трудно. Однако ему, в конце концов, удалось выпихнуть лодку с основной струи, а дальше уже помогла сама река – вынесла на отмель. Служилый с облегчением встал ногами на дно и принялся тянуть бат к суше.

Дальше было уже проще: от воды в лодке он избавился, оставил ее сохнуть на берегу и отправился искать подходящее деревце, которое смогло бы заменить потерянный шест. Настоящие проблемы начались по возвращении в острожек.

Высадившись на берег, Митька подумал, что все куда-то ушли и детей забрали, остались одни собаки. Потом заметил, что народ никуда не делся, а просто попрятался и разглядывает его из укрытий.

– Э, вы чего? – изумился служилый. – Чего испугались?!

Ответа не последовало, но Митька вскоре сам догадался, в чем тут дело. Как и большинство северных народов, ительмены не спасали тонущих сородичей, а, по рассказам, даже помогали им быстрее утонуть. Спасшийся каким-то образом человек считался уже мертвым, с ним нельзя было разговаривать, пускать его в свое жилище, делиться пищей, дабы не навлечь беду. Ительмены, живущие в постоянном контакте с русскими, эту традицию в большинстве своем оставили – злобные бородатые пришельцы тонущих спасали, и ничего плохого с ними не случалось. Жители реки Песчаной с русскими контактировали редко, причем исключительно зимой. Они придерживались старых обычаев и отказываться от них не желали. В этом Митька убедился очень быстро. Даже его собственная жена на полном серьезе стала считать себя вдовой.

Беглый служилый казак Митрий Малахов не стал выяснять на собственной шкуре, какими методами ительмены станут изгонять из поселка живого мертвеца. Он решил уйти сам. Его «вдова» была готова отправиться вместе с ним, но от ее помощи пришлось отказаться, поскольку дальние пешие переходы по летней Камчатке – занятие не для женщин, даже ительменских.

Глава 2

ГОД 1727, ОСЕНЬ

Когда нет снега, по Камчатке передвигаются на лодках или пешком по немногим тропам, проложенным между жильем. В последнем случае груз, естественно, надо тащить на себе, а это удовольствие сомнительное. Поэтому Митька выбрал самый короткий и простой маршрут – к водоразделу между верховьями рек Быстрой и Камчатки. Данное место круглый год было бойким – через него все ездили с западного берега полуострова на восточный и обратно. Беглый служилый рассчитывал поболтать там с каким-нибудь путником, чтоб прояснить обстановку в русских острогах. Кроме того, в тех местах можно было napроситься попутчиком на лодку или просто купить по дешевке бат, ставший ненужным хозяину.

Баты – камчадалские долбленки – делались из стволов тополей. Когда-то на изготовление одной такой лодки уходило несколько лет, но с железными инструментами процесс ускорился и упростился. Бат, принимаемый у камчадала в счет ясака или торгового долга, обычно оценивался в один рубль, что соответствовало приличной лисьей шкурке. Потом, конечно, перепродавался за три или четыре рубля, в зависимости от качества и размеров. Так или иначе, но подобный расход Митька мог себе позволить.

Оказавшись на распутье, служилый оглядел открывшийся желто-красно-зеленый пейзаж и мысленно усмехнулся: «Дмитрий, наверное, сказал бы, что все это красиво – просто обалденно красиво! А мне, Митрию, тревожно, поскольку так бывает перед началом серьезных заморозков».

Поколебавшись немного, Митька двинулся в сторону верховьев Быстрой – к дому поближе. Тропа здесь была торная – целая дорога в полметра шириной. Служилый бодро топал по ней до самого вечера. Он спустился с пологого перевала и прошел несколько километров вдоль берега реки, так никого и не встретив. Уже в сумерках тропа вывела его из кустов на открытое место. Отсюда было видно, что вдали, на галечной косе, горит костер и кто-то возле него копошится. «Русские плывут, – определил Митька. – Камчадалы в пути костры не разводят». Он решил вернуться немного назад и заночевать возле последнего переката, где обычно кончается водный путь вверх по реке. При нужде этот порог можно пройти на шестах с малым грузом даже осенью, когда воды в русле мало, но выше все равно начинаются сплошные камни и мели.

Вечером Митька отвел душу – выловил своей сеткой из крапивных ниток пару кетин, сварил их в котле и наелся горячего от пуза. Потом наломал веток, соорудил ложе, облачился в зимние штаны, кухлянку и улегся спать.

За несколько дней одиночества в пути он приобрел привычку не вскакивать утром, как ошпаренный, а проводить некоторое время в полудреме. В таком состоянии он пытался общаться со своим двойником из будущего, старался освоить, сделать для себя доступным наследство, которое оставил ему Дмитрий. Митька чувствовал, что перенял очень много чужих знаний, но они по большей части совершенно бесполезны. Однако есть какой-то массив, какой-то пласт, который для него очень важен, можно сказать жизненно важен! Надо только нащупать, выделить его из всего остального. Этим утром в полудреме Митьке почудилось, что Дмитрий знал о событиях, которые еще только должны здесь свершиться. Если в этом разобраться, то он, Митрий, будет знать будущее, хотя бы примерно. А ключом к пониманию почему-то является представление о месте и времени. Такое представление служилый составил и, окончательно проснувшись, проговорил вслух:

– Год от Рождества Христова тысяча семьсот двадцать седьмой, осень, полуостров Камчатка, верховья реки Быстрой.

Караван, который Митька усмотрел вчера, оказался огромным – тридцать лодок! И почти все – большие баты, загруженные так, что дальше некуда. В этом было много непонятного и странного для местного жителя: «Перво-наперво, кто плывет? Ясное дело, купцы с товаром, кому ж еще?! Не иначе, хлеб везут – больно тяжко нагрузились. Только странно как-то... Идут большой партией, в осень да по малой воде – зачем?! Везут дюжину служилых и командира, наверное. Шапка у него смешная – я таких и не видел. А служилые-то все с ружьями – может, где измена случилась? В общем, надо б на них поближе посмотреть. Может, чужие объявились?»

Дальнейшие наблюдения подтвердили догадку. Судя по одежде, командир не принадлежал к казачеству, а, скорее всего, был армейским или флотским офицером – Митька слышал про таких. Он плыл на четвертом от головы бате. При подходе к перекату первые три лодки подались к берегу, желая причалить, однако офицер стал что-то кричать камчадалам, стоявшим в них на шестах, и махать палкой. Тогда лодки легли на прежний курс и, с трудом преодолевая течение, двинулись дальше. «Совсем дурак, – констатировал Митька. – Реки не знает, а проводника не взял. Ему ж с сидушки не видно, что впереди будет. А служилые точно чужие – и одежда на них чудная, и сидят в батах как истуканы. Будь тут кто из наших, объяснил бы начальнику, что нельзя здесь водой ходить. Значит, при встрече они меня не узнают, можно шибко не прятаться». Приняв такое успокоительное решение, Митька отправился по тропе параллельным курсом, желая посмотреть, как приезжие будут преодолевать перекат.

Перекат представлял собой участок русла длиной с полкилометра. Земля здесь как бы слегка вспучилась, выставив вверх множество больших и малых округлых камней. Среди них единый поток разбивался на многие – одни глубокие, другие мелкие. Вот в этих протоках и развернулась целая драма.

Относительно благополучно прошел только бат с командиром и двумя солдатами. Когда лодка села на мель в самой широкой протоке, офицер заставил всех – и гребцов, и солдат – слезть в воду и метров тридцать толкать и тянуть долбленку на глубину. Под конец они все вымокли с головы до пят, поскольку не раз оступались и падали. Митька аж содрогнулся, наблюдая эту картину: «Вода здесь и летом ледяная, а сейчас вообще шуга по утрам плывет!»

Остальным судам повезло меньше: по средней – самой широкой – протоке большие перегруженные лодки пройти не смогли. Пришлось толкаться шестами по боковым протокам. Один бат перевернулся, и его понесло вниз, стукая о камни. На нем висел, обхватив днище руками, только один камчадал, а второй, очевидно, утонул. Потом близ противоположного берега перевернулся еще один бат, но гребцов сразу же вынесло на отмель. Недалеко от места, где затаился Митька, двое камчадалов толкали бат между огромных валунов, выступающих над водой. Они уже почти миновали опасное место, когда у заднего гребца шест заклинило на дне между камней, и он не смог его выдернуть. Лодка потеряла ход и управление, ее понесло назад, поворачивая боком. Гребец попытался пустить в дело запасной шест, лежавший вдоль борта, но не успел: у самого берега лодку плавно нанесло днищем на низкий валун. Один борт задрался, а другой опустился и принял в себя струю. Через секунду пустую лодку уже поворачивало течением, чтобы нести дальше. Гребцы, стоя по грудь в воде, даже не попытались ее остановить.

Митька давно уже перестал удивляться, что после пережитого предсмертного видения у него стали появляться непривычные желания. И желания эти время от времени заставляли его совершать странные поступки: вот захотелось сделать так, а не эдак – и все! Вот и сейчас: ему не нужен был огромный бат, получить награду он не рассчитывал, но, тем не менее, вылез из кустов и побежал по берегу, обгоняя перевернутое судно. Набрав нужную дистанцию, он остановился, скинул торбаза, вылез из штанов и кухлянки и, когда лодка оказалась рядом, полез в воду. Глубина оказалось выше колен...

Кое-как выпихнув тяжеленное корыто носом на прибрежные камни, Митька пулей вылетел на берег, нырнул в не успевшую остыть меховую рубаху и, подвывая от холода, начал натягивать штаны на мокрые ноги. Надев торбаза, он немного попрыгал, пока ступни и икры не взялись жаром. «Так-то лучше! А как там наши? Может, им костерок запалить? – подумал Митька и улыбнулся: – А ведь я „нашими“ камчадалов обозначил! Это тоже Дмитрия наследство?»

Как оказалось, гребцам с перевернутого судна костер был пока не нужен. Они все еще были в воде и, поддерживая друг друга, что-то пытались поднять со дна. По берегу бегал туда-сюда расфуфыренный толстенький офицер. Он размахивал тростью и буквально захлебывался от злости:

– Доставать! Все доставать! Аллее!! Шнелл!!! Биллять!! Швайн!! Сука дети! Я убивать вас! Все кнут пороть!!!

Рядом с ним стояли двое здоровенных русских парней с ружьями. Рожи у них были бритые (когда-то), опухшие и с кровоподтеками. Большая часть их одежды, очевидно, раньше была солдатской формой. Они старались держаться вне поля зрения своего начальника, но он о них не забыл и вскоре удостоил внимания:

– Варум стоять?! Рашен швайн! Наел задница на государь корм! Работать шнелл!! Все достать! Запорю!!

Парни сначала попятились, но, когда один получил тростью по лицу, торопливо начали снимать одежду. Они были, наверное, вдвое крупнее тщедушных камчадалов, и дело пошло веселее. Вскоре на берег был вытащен небольшой, но, вероятно, очень тяжелый мешок, затем второй, потом они вдвоем извлекли из воды длинную связку железных штырей, потом...

Потом офицер заметил Митьку, с интересом наблюдавшего эту сцену, и накинулся на него, как пес на евражку:

– Стоять?! Почему стоять, биллять?! Арбайтен быстро! Вода груз таскать шнелл!! Шнелл, сука биллять!!!

Трость Митька перехватил совсем недалеко от своей головы, вывернул ее из офицерской руки и спокойно сказал:

– Орать не надо, ваше благородие. Я не из твоей команды. Иду по казенному делу, и ты мне не указ!

Он вернул хозяину палку, задумчиво посмотрел на копошащихся в воде солдат, на свой сжатый кулак и на офицера – дескать, врезать или не надо? Получилось так выразительно, что командир сразу сбавил тон:

– Кто есть ты такой?

– Служилый казак Верхнего острогу Иван Дмитриев! – четко отрекомендовался Митька. – Иду в Большерецкий острог по казенному делу. А по какому, никому сказывать не велено!

– Все здесь служилый должен слушать меня!! – опять возбудился офицер. – Я есть капитан-лейтенант Мартын Шпанберг!!

И вот тут Митьку «пробило»! Смутное знание стало явным – ну почти явным! Для полноты картины чего-то не хватало, какого-то кирпичика... Но он, казалось, вот-вот появится, только надо правильно сыграть свою роль!

– Да ты чо?! – глумливо изумился Митька. – Истинный Шалберх?! Во дела-а-а... Только невнятно мне: лейтенант ты али капитан?

– Ма-алчать, дур-рак! – срываясь на визг, заорал офицер. – Ты делать, что я говорить!

– Приказу такого не имею, – пожал плечами Митька, – а батогов от десятника нашего получать неохота!

– Ты есть тупой русский скотин! Я в экспедиция капитан Беринг. Он имет указ ее императорское величество! Свой рука государыня указ, ты понимать? Все казак делать, что капитан приказать! Капитан посылать меня с груз ин Нижний штадт. Капитан приказать всем делать мне помощь! Кто не делать – есть изменник, бунтовщик! Ты понимать?

– Я понимать... – облегченно улыбнулся Митька. «Теперь почти ясно. Это – первая экспедиция Беринга. Он еще капитан, а не командор. А с этим Шпанбергом в будущем так и не разобрались: то ли он великий мореплаватель, то ли немецкий придурок, то ли все в одной кружке. Впрочем, он, как и Беринг, датчанин на русской службе. Во какой я умный стал – все-то знаю! А если сыграть на этом, небо на голову не упадет? Попробую...»

– Ты смеяться, скотин?! – по-своему понял улыбку собеседника командир. – Запорю!!

– Я понимать, ваш-бродь! – рывкнул Митька и вытянулся по стойке «смирно». – Прикажете костер запалить, ваш-бродь! Люди ж с холоду померзнут! Ну, как на Юдоме...

– Кхе... Гмы... – Офицер как будто воздухом подавился. – Откуда ты знать Юдома?!

– Дык, служилые сказывали, ваш-бродь! – охотно пояснил Митька. – Кто ж того не знает?! Прикажете костер, а?

– Костер... Фаер... – Офицер посмотрел на посиневших солдат, на двух камчадалов, которые уже собрались тонуть от холода и безысходности. – Тафай, делать быстро! Большой файер!

Упрашивать себя Митька не заставил – кинулся собирать дрова и растопку, благо добра этого вокруг было навалом. «Похоже, я его хорошо уделал! – одобрил он сам себя. – А ведь почти наугад клюнул! Я ж толком не знаю, что это за Юдома».

Перекат дорого обошелся путникам. Относительно благополучно его прошли лишь два из каждых трех батов. Остальные перевернулись или набрали воды через борта, а два и вовсе затонули вместе с грузом. Этот груз надо было поднять и вытащить любой ценой. Когда стало ясно, что за оставшееся до темноты время люди не управятся, Шпанберг приказал поставить себе палатку и приступить к приготовлению ужина. Неудача казалась ему серьезной, а свалить вину было не на кого. Поэтому капитан-лейтенант решил прибегнуть к испытанному способу: нацедил из заветного бочонка в серебряную кружку прозрачной жидкости, длинными тягучими глотками выпил до дна и закурил трубку. Вскоре на душе у него полегчало, но выход все равно не придумывался. Тогда он вспомнил про шустрого наглого казачка, с которым познакомился сегодня, и приказал денщику немедленно его разыскать. Заодно и писаря привести. Мартын Шпанберг не забыл, конечно, ни про отнятую трость, ни про мозолистый кулак служилого, которым тот явно ему грозил, но решил отложить месть на потом – никуда он не денется!

Митька прятаться и не собирался – у него было предчувствие, что его обязательно позовут пред офицерские очи. В командирской палатке он снял шапку и поклонился с почтением:

– Звали, ваше благородие?

– Тут я спрашивать! – грозно заявил немец. – Ты мне отвечать!

– Как скажете, ваш-бродь... – пожал плечами служилый.

– Дуррак! – чуть смягчился офицер. – Как тебя? Ив-хан?

– Это по батюшке, ваш-бродь! А так я – Митрий Иванов.

– Ты знать дорога Верхний острог?

– А то! – расплылся в улыбке служилый. – Сколь раз хаживал и по воде, и собаками.

– Ты плыть туда по вода? – заинтересовался немец.

– Дык как... – замялся Митька. – Вот досюда еще можно шестами толкаться, а далее совсем мелко будет. Отсель пешком надо – через гору в другую речку.

– Вифиль... Сколько надо ходить до другой река?

– Ну, налегке за день добежать можно – тут тропа торная, только ее знать надо.

– Ты слушать мой приказ сейчас, – заявил офицер. – Завтра люди брать груз, ты вести люди другой река. Там люди цурюк... м-м-м... назад идти. Ты ходить Верхний острог. Ты нести правитель мой приказ: прислать мне люди унд лодки, ты понимать?

– Чего ж мудреного... – вздохнул служилый. – Только нельзя мне в Верхний. Меня ж в Большерецк отправили! А я, значит, приказ не исполню и назад вернусь? Нет, никак нельзя!

– Ты есть дурак, Ми-трий! Степан писать тебе бумага, я подписать: ты ходить по дело государево.

Твой командир в острог тебе будет кланяться, будет твоя команда выполнять. Ты понимать?

– Меня? Мне кланяться?! М-м-м... – Митька лихорадочно соображал, пробрасывал в голове все возможные и невозможные варианты развития событий. – Вы, эта, господин капитан... Ну... Бат у меня здесь припрятан – как брошу? Бат-то новый совсем, стоит немало...

– Лодка? – без особого интереса спросил Шпанберг. – Хороший лодка?

– Отличный бат – муха не сидела! – заверил служилый и предложил: – Давай я его в Большерецк отгоню, а потом вернусь и в Верхний пойду, а?

– Биллять! – взвился офицер. – Сколько стоит твой лодка?

– А-а... Э-э... – изобразил мучительные раздумья Митька. – Три рубля, ваш-бродь, никак не меньше!

– Хренеть совсем, да? – покачал головой немец. – Твой бат из золото делать?! Я давать один рубль и половина!

– Э-э... Маловато будет... Совсем новый...

– Батоги шопа бить хочешь, да?

– Н-ну-у... Так дела не вершатся... – затосковал служилый. – Но я согласный... На два рубля!

– Ептuojaма биллять! – прорычал офицер. – Хи-рен с тобой!

– Только еще закавыка имеется, ваш-бродь... – робко продолжил казак. – Мне ж по реке Камчатке до Верхнего острога пять ден идти. По берегам там кусты непролазные да склоны с камнями. Коли быстрее надо, потребно лодку нанять. А за то платить надо...

– Вифиль... сколько?

– Полтинник, ваше благородие, – развел руками Митька, – никак не меньше!

– Ты пить мой кровь, казак! – озвучил свою догадку офицер. – Большой кнут о тебе плакать!

– Меньше никак... – печально вздохнул служилый.

– Ладно! – махнул рукой немец. – Хи-рен с тобой, биллять. Потом ты приходите к Степан, он писать тебе бумага.

– Премного благодарен, ваше благородие! – склонился в поклоне Митька. – Все сполню – не за страх, а за совесть!

– Что есть русский совесть? – скривился датчанин. – Нихт! Делать, как я говорить, – будет гуд.

Солдат Степан, исполнявший роль писаря при капитан-лейтенанте, был человеком в годах – с брюшком, вислыми неопрятными усами, дряблыми мешками под глазами и синими прожилками на серовой коже лица. Митька подумал, что он, наверное, мало двигается и пьет, не просыхая, когда есть возможность. О последнем, впрочем, догадаться было не трудно: когда Митка вошел к нему в палатку, запах там был как в кабаке.

– Здравы будьте, господин писарь! – приветствовал его Митька. – Велено к вам явиться!

– Ну, явился... – кивнул Степан. – Вон, на топчан сядь, чо столбом стоишь?

– Благодарствую! – сказал гость и развязно спросил: – Как вам наше винцо казенное? По вкусу ли?

– Какой на хрен вкус?! – отмахнулся писарь. – Отрава бесовская!

- Однако ж забирает!
- Забирает, да по ночам черти снятся, а утром хоть не просыпайся! Из чего гоните-то? Из дерьма с лягушками?
- Из травы сладкой, – пояснил служилый. – Ее тут густо растет. Черешки лиственные от шкуры чистят да сушат. После того мочат и вино-травянку сидят.
- Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие... – простонал писарь. – Покажешь при случае ту траву.
- Да на что тебе, Степан... э-э-э?
- Алексеич!
- На что тебе зелень, Степан Алексеич? Коли потребно, ты у камчадалов сушеной купи – рупь за пуд. А с трех пудов отходит печатное ведро раки!
- Да ты чо?! – вытаращил глаза писарь. – Ведро?! Это ж двадцать рублей!
- Это казна по двадцать продает, – уточнил Митька. – А кой у кого можно и дешевле взять... сам понимаешь. Только ведь людям-то сидеть вино не велено – государево оно.
- Не ссы, парень, нам можно, – заверил писарь, – мы по имянному указу! Ну, ты эта... Примешь чутка за государыню нашу?
- Спрашиваешь! – оживился Митька и извлек из-за пазухи кусок юколы. – Закуска имеется – не побрезгай!
- Выпили, пожевали юколы. Степан скривился:
- И как вы дрянью такую потребляете?
- А мы привычные, – усмехнулся казак, – мы всю жизнь на рыбе. Хлеб тут не родится, а привозной дорогого стоит. Соли опять же не водится – из воды морской варим. Только лесов-то у моря нет, потому дрова издалека плавить надо. Вот и выходит та соль в копеечку.
- Да уж, – вздохнул Степан Алексеевич, – цены у вас тут выше гор. Почитай, всю державу Российскую из края в край проехали, а такого не видавали!
- Неужто всю?! – не поверил служилый.
- А ты как думал – от самой столицы! Считай, третий год едем...
- Едрит твою налево! – восхитился Митька. – А зачем едете-то?
- Экспедиция! – поднял указательный палец писарь. – Высочайшим указом Мерику открывать велено.
- Мерику?! Это где ж такая? – заинтересовался казак. – Ее чо, закрыл кто-то? Растолкуй темному, Степан Алексеич!
- Экий ты... – с чувством превосходства хмыкнул столичный гость и снизошел до объяснений: – Велено где-нито возле Нижнего вашего острогу большой корабль построить. А на ем плыть на восток и на север, покуда землю большую справа не встретим. Она и есть Мерика.
- И что? Зачем это? – изобразил предельное любопытство слушатель.
- Ну, вроде не бывал там никто... – слегка растерялся писарь. – Опять же, может, она с землей Российской соединение имеет...
- Не, не имеет, – рассмеялся Митька. – Однако ж, где чухчи живут, там меж берегами расстояние малое.
- А ты почем знаешь?! – оторопел писарь.
- Да тутошние, поди, все знают! – заверил служилый. – Бывать, кажись, из наших никто не бывал, но рассказы слыхивали.
- Во бя... – почесал затылок Степан Алексеевич.
- Вам там, в Петербурхе, поди, не слыхать и не видать ничего, а мы-то местные! – вдохновился Митька. – Небось и про Семейку не слыхивали?
- Какого еще Семейку?! – недовольно буркнул писарь.

– Да был такой казак якутского полку, лет сто назад. Так он с командой из Ковымы-реки вышел и вдоль чухотской земли плыл до Анадыра-реки. На ней он острог срубил – Анадырский. Про острог-то такой слыхал небось?

– Слыхал...

– Ну, так прикинь, где Ковыма, а где Анадыр!

– Почему я знаю?! – начал злиться писарь. – Географиям не обучен!

Митька прямо-таки наслаждался своим превосходством над столичным гостем. А может, это водка с отвычки так на него подействовала.

– А скажи, Алексеич, по что вы корапь в Охотске не построили? Там народ навичный, а здесь, кажись, ранее такого не бывало.

– Построили в Охотске, – с некоторой гордостью объявил писарь, – и «Фортуной» нарекли. На нем да на старой лодии мы в Большерецк и приплыли.

– Ну! – восхитился Митька. – А чо ж вы сразу на Нижний острог не пошли?

– Так земля же тут!

– Тут, да не там! – принялся объяснять служилый. – От того места, где Большая река в море падает, на юг недалече нос имеется – Курильской Лопаткой зовется. Коли тот нос объехать и вдоль берега на байдарках идти, дней через десять река Камчатка будет, а там и Нижний недалече. На корабле, поди, и того скорее будет!

– Ты, Митрий, умней начальства себя мнишь? – обиделся писарь. – Умней капитана нашего его благородия Витуса Иваныча?! Он же из Неметчины родом, он там все науки превзошел, а ты, сиволапый, его поучать собрался?!

– Да я ничо... – стушевался Митька. – Шутку ю только. Ты бы эта, Степан Алексеич, плеснул бы еще чуток... за этого вашего... Витауса, а?

– Добро, – кивнул писарь. – И делом займемся!

– С богом! – Митька выдохнул и закинул в пасть вонючую жидкость. – Авось не последняя!

Писарь смахнул со стола объедки, подправил пальцами фитилек свечи, вытер их о рубаху и извлек чистый лист бумаги. Потом посмотрел на свет кончик пера и вытащил пробку из пузырька с чернилами:

– Перво-наперво пропишем про тебя – кто ты есть и по что идешь. А потом я приказ заказчику перебелю. Значит, так: «Верхнекамчатского острогу служилой казак Димитрей Иванов...»

– Ты запомятовал, Степан Алексеич, – робко перебил Митька. – Большерецкого острогу я Митрей Малахов, Иванов сын...

– Ась? – Писарь вскинул голову и, прищурившись, уставился на Митьку. – Я памятливей.

– Лису дам, – после паузы вздохнул служилый. – Без обману.

– Лису, говоришь... – призадумался писарь. – А может, тебя на гербовой бумаге прописать? Она больше силы иметь будет.

– Сделай милость! – обрадовался Митька.

– Пропишу, только...

– Две лисы! – быстро нашелся служилый.

– И того – три, – ловко подытожил писарь. – Когда отдашь?

– На Покров или ранее...

– Не-е, па-арень, – разочарованно протянул Степан Алексеевич, – до Покрова еще дожить надо...

– Четыре! – лихо накинул Митька. – По рукам?

– Ладно уж, по рукам, – со вздохом согласился писарь. – Теперь сиди смирно и сопи в сторону – свечку мне не колебай!

Меньше чем через час, наверное, служилый держал в руках плотный лист сероватой бумаги и всматривался в непонятную вязь букв. Если писарь не обманул, она содержала в себе прощение грехов и избавление от неминуемой мучительной смерти. Митька смотрел, смотрел и вдруг прошептал:

– Слышь, Степан Алексеич...

– Хрен ли надо?! – возмутился писарь. – Просил же не мешать!

– Ты эта, Алексеич, дай попробовать...

– Чего?!

– Ну, как ты – перышком, а?

– Грамотный что ли?! – изумился писарь.

– Какое там! Дай перышко, а? – по-детски занял служилый. – Все равно ж без дела сижу!

Надо полагать, просьба была такой необычной, что писарь просто оторопел. При чем настолько, что молча выложил на стол тройку перьев, бывших в употреблении, и лист бумаги, исписанный с двух сторон.

– На, поиграйся! Только не здесь – вон, на сундуке!

– А чернила?..

– Еп твою мать, – бормотнул писарь и извлек откуда-то еще один пузырек. – Тут, кажись, на дне осталось – тебе хватит. И больше под руку не лезь – коли испорчу лист, убью на хрен!

Свет был тусклым, а бумага – шершавой, в чернилах плавали дохлые комары, перья оказались поломанными. Поставив пару клякс, Митька достал ножик, подправил кончик одного из них, и дело сразу пошло лучше. Правда, линии все равно получались очень толстые. Стоя на коленях у сундука, высунув язык, потев и пыхтя от усердия, безграмотный казак водил по бумаге перышком, стараясь повторить на свободных местах написанные ранее буквы.

– Ну, все, – сказал писарь и потянулся, хрустнув суставами. – Кажись, осилил! Сейчас зачту, а ты слушай и запоминай – потом с тебя спросится.

Митька слушал, и ему казалось, что из одного морока он попал в другой. Заказчику острога предписывалось в кратчайшие сроки предоставить для нужд экспедиции столько-то людей и лодок, а затем приступить к подготовке жилья для прибывающих мастеровых, солдат и матросов, а также временных складов для грузов. Большерецкому казаку Митрию Малахову в обязанность вменялось понуждать заказчика к скорейшему исполнению выше-названного и о всяком нерадении немедленно доносить капитан-лейтенанту Е. И. В. флота Мартыну Шпанбергу.

– Высоко вознесясь, служилый, – усмехнулся Степан Алексеевич, закончив чтение. – Смотри не упади – расшибешься!

– Я того не просил! – слегка испугался Митька. – Тебе всяк скажет: столько людей и батов во всей округе отродясь не бывало! Да и половины не сыщется, тем более разом!

– Ясное дело, – охотно согласился писарь. – Указано-то с накидкой.

– Эт почто ж?

– Молодой ты еще, службы не разумеешь, – мудро усмехнулся старый солдат. – А она, служба-то наша, на грехе да провинности держится. Я, к примеру, чо не исполню – тебя виноватым сделаю, а коль ты не пожелаешь вину принять, так за себя ответчика сыщешь. Или у казаков не так?

– Так, конечно... – признал Митька. – В опчем, сколь заказчик людей и лодок не выставит, все одно виноватый будет, да?

– Во-во, уразумел, значит, – кивнул писарь. – Ну, ты наигрался? Вертай бумагу – мне ее по счету сдавать.

Поданный лист оказался разрисован сплошь, без просветов. Степан Алексеевич собрался присовокупить его к пачке черновиков.

– Эх разукрасил, черт косорукий! Погоди-ка: ижица... глаголица... Ты писал?! – уставился он на обомлевшего Митьку. – Это не моя рука!

– Не учены мы писать-то...

– Фиту, говорю, вот эту ты нарисовал?! – не отставал писарь.

– Буквица, что ль, такая? – робко переспросил служилый. – Ну я... Там такая ж была – в начале полосы, что углом идет.

– Не полосы, а строки... Точно не учился? Не врешь?

– Где уж нам...

– И пера в руках не держал?! – допытывался писарь.

– Как же не держал-то? – обиделся Митька. – Много перьев передержал! Ну, когда птицу дербанил.

– Балда... Знаешь что? Ну-ка... – Осененный какой-то идеей, писарь выхватил чистый лист бумаги и заработал пером. Через некоторое время он удовлетворенно крикнул: – Вот так! А ну, садись на мое место! Перо бери! Да не это, мое возьми! Видишь буквицы? Вот сиди и рисуй такие ж! Перо в чернилах не топи, а бери на кончик, по малости. И не дави шибко – не железное. Понял?

– Угу...

– Давай, старайся! А я пойду приказ подписывать – пронеси, Господи!

– Что, шибко лют начальник? – понимающе спросил казак.

– А то! Во, видал? – Писарь разинул шербатый рот. – Думаешь, сами выпали?

Митька исписал всю оставшуюся свободной часть листа. Когда чернила высохли, он перевернул бумагу и начал рисовать буквы уже по памяти, поскольку образцов больше не видел. Когда писарь вернулся, чистое пространство оставалось только в самом низу. Степан Алексеевич был изрядно пьян. Он с трудом уселся на постель и громко икнул.

– Ну чо, – поинтересовался Митька, – миновала беда?

– У-У-У, нелюдь бусурманская! – зарычал писарь. – Немчура поганый! Сидит, сука, кашу с маслом трескает, а мне наливает только... Ик! Воды дай – икота замучила!

– Лег бы ты почивать, Степан Алексеевич, время-то позднее! – посоветовал служилый, подавая кружку.

– Не могу! – стукнул себя в грудь писарь. – Горько мне и обидно! За державу нашу обидно! Понаехали бляжьи дети, как мухи, все обсели!

– А что, свои много лучше, да? – усмехнулся Митька.

– Ну все-таки, – вздохнул Степан Алексеевич. – Ладно, хрен с ними. Показывай, что натворил.

Митькину писанину он разглядывал долго. Наконец оторвался и поскреб лысеющий затылок:

– Рука у тебя, паря, конечно, не ахти... Да и откуда? Однако ж разобрать можно – прямо дар Божий! А как буквицы значатся, не ведаешь?

– Не ведаю, Степан Лексеич.

– Во, удумал! – заявил писарь и вдруг расхохотался: – Ща я тебе азбуку пропишу – враз грамотеем станешь!

– Может, поутру? – засомневался в его способностях Митька. – Поздно уже...

– Обидеть хочешь? – набылчился Степан Алексеевич. – Видал же, я своими ногами пришел! А когда уж я идти не могу, тогда у меня только росчерк малость кривится, понял? Щас я...

Идея оказалась нехитрой: Степан Алексеевич внятными буквами пишет простой текст, Митька его выучивает на память. А потом, глядя на слова и буквы, повторяет сто раз или тысячу – пока не запомнит, как буквы-слова соотносятся с речью.

Текст Митька выучил быстро. Он действительно был простым, поскольку представлял собой... долговую расписку. Согласно ей Митрий Малахов задолжал писарю десять лисьих шкурок или соответствующее количество соболей.

* * *

Переполненный впечатлениями, Митька долго не мог уснуть. К тому же после выпитой водки начала болеть голова – требовалось добавить, но взять было негде. Новый долг беспокоил его мало, поскольку все его ближние и дальние знакомые всю жизнь были в долгах: каждый должен многим, но и ему многие должны. Тут главное не в количестве, а в возможности долг получить или необходимости его отдать.

Поскольку грамотные люди встречались на Камчатке не так уж и редко, давным-давно сложилась практика «безналичных» расчетов – этакое вексельное право. За свой долг иногда можно было расплатиться чужой долговой распиской. Люди опытные счет вели на деньги, хотя их мало кто видел «живьем». В этом случае пушнина принималась в платеж не по счету, а по стоимости, которая могла быть разной. Писарь оказался неопытным – долг принял на шкурки и без поручителя. В принципе должник мог от него скрыться или всучить какую-нибудь дешевую дрянь. В общем, эти десять лисиц были сущим пустяком по сравнению с перспективами, которые открылись служилому. По сути дела, он оказался поверстан в службу на приезжих начальников, у которых власти много больше, чем у местных. При этом появилась надежда быстро овладеть грамотой... А еще Митьку волновала проблема денег, которые он выторговал у офицера: отдаст или не отдаст? А если не отдаст, то надо ли про них напоминать, ведь никакого бата у него на самом деле не имеется. На этот счет решения он принять не смог, потому что наконец уснул.

Утро оказалось мудренее вечера. Не успел Митька уложить свою постель в походный мешок, как его призвали к Шпанбергу. В палатке, которую вполне можно было назвать шатром, присутствовал и писарь. Он угрюмо сидел в углу и перебирал пачку засаленных листов.

– Я хотеть поручать тебе секретный дело, – заявил капитан-лейтенант. – Знать ты все люди Верхний острог?

– Ясное дело, ваш-бродь, – пожал плечами служилый. – Как же без этого?

– Степан называть имена, ты слушать и говорить, кто жить Верхний острог, понимать? Ты туда приходить, этих людей находить. Им не говори, скажи заказчику, пускай ецт... здесь будут. Кого нет, пусть искать и доставить. Это – тайна. Никто не знать, ты понимать?

– Понимать, ваш-бродь, – кивнул Митька. – Теперь все разумею.

Это было действительно так: странное везение служилого получило простое объяснение – он просто вовремя попался под руку. «Похоже, этот немецкий прохиндей от наших отличается только косноязычием да чудной шапкой. В общем, дело государево он творит, но о себе не забывает. Бумажки эти – долговые расписки, причем старые, которые много рук сменили. Где-то он их прикупил и теперь желает по ним получить долги – пушшиной, конечно. Для этого надо застать должника или его поручителей на месте, иначе с кого спросить? Вот он и решил использовать местного – меня то есть – в своих целях. Это совсем не глупо – чужаку ни за что с наших служилых и промышленных долги не собрать. Народ у нас ушлый да в заднице настеганный...»

Однако Митька недооценил немца – его планы оказались еще шире. Помимо прочего, офицер поручал посыльному сказать заинтересованным людям (пустить слух!), что приез-

жий капитан-лейтенант Шпанберг собирается скупать пушнину в больших количествах по высокой цене. А рассчитываться будет хорошим товаром сразу на месте. Для этой цели он везет с собой много муки, соли, железных инструментов и прочего – сам, дескать, видел.

* * *

Верхнекамчатский острог стоял на левом берегу Камчатки, близ устья речки Кали-Кык. От Большерецкого он отличался мало – такой же кривобокий четырехугольник бревенчатых стен, внутри которого располагались приказная изба, два амбара и аманатская «казенка». Поблизости красовалось чуть менее двух десятков жилых изб и множество балаганов. Бродить среди них Митька, конечно, не стал, а прямо с берега направился в острог – в приказную избу.

По дороге, кроме баб, никто ему не встретился, ворота были открыты, но на крыльце избы бездельничали четверо казаков – кто-то курил трубку, кто-то грыз орешки кедрового стланика. Надежда на то, что знакомых среди них не окажется, не сбылась. По крайней мере двое его сразу узнали и ласково заулыбались:

– И куды ж ты прешь, милай? Может, поздоровкаешься?

– Пошел на хрен, мудила! – спокойно, но твердо ответил гость.

– Шел бы ты сам легонько, – вступил второй знакомец. – Тихонько-легонько – да вон туда. Там твоя постелька уж простыла!

Служилые тихо радовались и вставать со своих мест не спешили – уж коли злобный вражина оказался здесь, то никуда он не денется. Вот если б он привел с собой два десятка большерецких казаков – другое дело. Только никого с ним нет, один он! Это может означать, что собственный начальник прислал его сюда как бы по делу, а по сути, на расправу – такая форма наказания подчиненных практиковалась нередко. Вот местные и предложили гостю самостоятельно забраться в «казенку» – тюрьму, низкий замшелый сруб которой красовался рядом с приказной избой. Митька мысленно содрогнулся, представив, что с ним там сделают, если он окажется в тюрьме раньше, чем объявит о своем новом статусе. На этот случай берестяной «пенал» с бумагами он распаковал заранее. Вытащив его из-за пазухи, извлек лист и, распрямив двумя руками, продемонстрировал присутствующим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.